

л 10
2000 (3)



Тальцы



ТАЛЫЦЫ



Тальцы • 3 (10) • 2000

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ
• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ. ЭТНОГРАФИЯ

В.И. Тарасов. К истории бурятского казачества 3

Л.В. Мельникова. Тофы и добыча золота в
бассейне реки Бирюсы 8

Н.В. Кочешков. Искусство народов Приамурья:
вчера, сегодня, завтра... 21

ТОПОНИМИКА

Р.Г. Жамсаранова. Архивные источники на
службе топонимии Восточного Забайкалья 29

ПО СЛЕДАМ ЭКСПЕДИЦИЙ

Е.Г. Манушкина. Отчет о результатах экспедиции
в Качугский район в 1999 году 34

У НАС В ГОСТЯХ

Н.С. Эртюкова. Старейший в Сибири:
страницы истории 40

МУЗЕЙНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Т.П. Поляков. Музей будущего: проблема
выбора модели 44

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ 53

КОНФЕРЕНЦИИ 64

НОВЫЕ КНИГИ 65

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

Хоца Намсараев. Стихи 66

НА ДОСУГЕ

Бурятские загадки 68

Государственное учреждение культуры
Иркутская областная государственная
универсальная научная библиотека
им. И.И. Молчанова-Сибирского

ОКМ

Учредитель и издатель: Архитектурно-этнографический музей «Тальцы».
ЛР 040958 от 01.04.99. АЭМ «Тальцы»
664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2. Тел. (8-3952) 33-47-05

Редакционная коллегия: Т.А. Крючкова, Ю.П. Лыхин (секретарь),
А.К. Нефедьева, Т.Л. Пушкина, В.В. Тихонов (главный редактор)

Ответственный редактор номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Компьютерный набор: Ю.П. Лыхин

Оригинал-макет: Ю.С. Макарова

Подготовка к печати: Изд-во «ЧП Макаров»

Свидетельство о регистрации № И-0236 от 21 декабря 1995 г., выдано Региональной инспекцией по защите свободы печати и массовой информации.

Адрес редакции: 664011, г. Иркутск, ул. Халтурина, 2.
Тел. (8-3952) 33-47-05, факс (8-3952) 20-10-92

На обложке:

С. 1 — Музей «Тальцы». Бурятская юрта. *Фото В.В. Тихонова*

С. 2 — Музей «Тальцы». Интерьер юрты бурятского шамана. *Фото И.Ю. Бержинского*

— Бурятский национальный ансамбль «Гэсэр» в музее «Тальцы». *Фото И.Ю. Бержинского*

С. 3 — Слева направо: Казак бурятского шестисотенного полка второй половины XVIII – первой половины XIX века. Воин инородческого караула второй четверти XVIII века. *Акварель В.И. Тарасова*

С. 4 — Музей «Тальцы». Бурятский улус-летник. Юрта. *Фото В.В. Тихонова*

Подписано в печать 19.12.00. Формат 60x90 1/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 4,25. Уч.-изд. л. 3,7. Тираж 1000 экз.
Заказ № 1079. Цена свободная

Отпечатано с готовых фотоформ в Иркутском Доме печати
664009, г. Иркутск, ул. Советская, 109.



К ИСТОРИИ БУРЯТСКОГО КАЗАЧЕСТВА



*Владимир Иванович Тарасов,
художник, историк, преподаватель
Иркутской школы искусств*

В ходе своего формирования и развития сибирское казачество вобрало в себя и в различной мере трансформировало и ассимилировало разнородные в этническом отношении элементы и группы. Так, среди казаков Западной Сибири было много татар, казахов и украинцев. В Восточной Сибири специфичным было присутствие в казачьей сфере больших групп эвенков и бурят. Процесс вхождения части местного бурятского населения в казачье сообщество был непосредственно связан с усилиями российских властей по закреплению в своем владении огромных пространств Восточной Сибири и Забайкалья. Формирование сибирского участка границы Российской империи, ввиду его большой протяженности и по причине малочисленности русского населения, представлялось делом весьма сложным. Содержание регулярных войск в большом удалении от источников снабжения и комплектации было связано с существенными материальными затратами. В реальных условиях Сибири, во многом вопреки действовавшему с 1702 г. указу о запрете приема инородцев в солдаты, запрету на продажу инородцам оружия, местные власти были вынуждены обращаться к помощи бурятских ополченских дружин при набегах монголов, в моменты усиления активности войск китайского императора.

Своеобразным признанием этого факта стало присутствие четырехсотенного отряда конных воинов-бурят в строю русских войск при торжественной встрече на р. Буре русского посла Саввы Рагузинского, осуществлявшего проведение переговоров с Цинской империей об установлении российско-китайской границы. Таким образом бурятский отряд был вовлечен в демонстрацию российской военной силы, существенно повлиявшую на ход переговоров.

Впоследствии (по инициативе Рагузинского) бурятские роды

были привлечены (наряду с тунгусскими) к обеспечению охраны границы. Они были обязаны выставлять определенное количество людей в состав караула (или нескольких караулов). Первоначально буряты выставляли 15 караулов (при их общем количестве — 25). Караулы располагались в небольших острогах с частотоком, при каждом пять–десять юрт с семьями бурят. Большая протяженность закрепленных за караулами участков границы требовала много времени для их объезда. Это тяжело сказывалось на хозяйственной деятельности бурят, не только не получавших жалования за службу, но и обязанных вносить установленный ясачный платеж. Кроме того, для отдельных групп бурят создавалась необходимость переселения из степной зоны в лесотаежную, не приспособленную для традиционного у бурят скотоводства. Это во многом меняло привычный жизненный уклад, вынуждая добывать значительную долю средств существования охотничьим промыслом. С такими трудностями столкнулись многие группы окинских и тункинских бурят, а также закаменских бурят, переселенных из Аларского ведомства для охраны Харацайского караула. Решения о направлении в караульную службу конкретных семейств принимали главы родов, которым в знак признания значимости этой службы было выдано «во всякий род по знамени», за их верную и прилежную службу, и «чтоб впредь служили со всякою ревностью».

Во второй половине XVIII в. в связи с резко обострившейся обстановкой в приграничных районах Цинской империи Российское правительство наметило ряд мер по усилению охраны границы. В частности, предполагалось создание четырех полков ландмилиции (ополчения). К этому времени в Сибирском приказе находилось обращение селенгинских бурят с просьбой об отчислении из них в казачье сословие 2400 душ мужского пола с исключением их из ясака. На этой основе Российское правительство учредило четыре шестисотенных бурятских полка с обязанностью несения службы раз в четыре года. Характер службы в караулах при этом не менялся.

Полки получили наименования Ашебагатского, Цонголовского, Сарталовского и Атагановского. Обеспечение оружием и лошадьми должно было осуществляться не вовлеченными в службу бурятскими родами. Это, впрочем, не отменяло для них обязанности по первому требованию главного пограничного начальника выставлять ополченские отряды. Необходимость такого возникла только один раз, в 1792 г. В 1800 г. бурятским полкам были пожалованы знамена (в 40-х гг. XIX в. заменены на новые).

С годами характер службы менялся мало, а вот протяженность участка границы, охраняемого бурятскими казаками, уменьшалась по мере увеличения числа русских пограничных казаков. К 1806 г. казаки инородческих полков несли службу в основном в Тункинской крепости и в ближних к ней караулах. В том же 1806 г. впервые официально ставился вопрос об установлении обмундирования для бурят-казаков (проект князя Головина), но до 1854 г. решения по нему не принималось. Одежда оставалась традиционной как в быту, так и на службе, ничем не отличаясь от одежды ясачных бурят. Костюм мог варьироваться только в связи с местными климатическими условиями, родовыми традициями, материальным достатком. Зимой носили овчинные шубы (дэгыл) с длинными рукавами, широкими у плеча и зауженными книзу, рукав внизу опущен мехом. Иногда надевали доху. Зимняя шапка — меховая коническая с кистью и длинными наушниками. Летом — такая же, но без меха. Летние халаты (тырлыки) из сукна, кожи, шелка, выстеганные на верблюжьей шерсти. У богатых — халаты из шелка с шитыми на груди драконами.

Бытовое устройство, традиции, жилище, религия — все было едино с ясачными бурятами. Лечились у лам в дацанах или домашними средствами.

В связи с караульной службой в среде казаков-бурят гораздо дольше, чем у ясачных бурят, сохранялось традиционное вооружение и даже боевые доспехи, известные еще по первым столкновениям русских отрядов с воинами-бурятами. «Братские мужики воинские, многие конные, бывают на боях в кюках и в наручах, и в шишаках», — так писали в своих рапортах русские землепроходцы.

Вооружение бурят традиционно состояло из лука, стрел, копий и сабель. Путешественник Джон Белл отмечал, что бурятские казаки — ловкие стрелки и искусные наездники. Лук и стрелы, являясь основным видом вооружения, могли дополняться и другими видами оружия — палицами, кистенями, секирами, арканами, укрюками, дротиками (швырковое копье). Защитное вооружение было представлено щитами — круглыми или прямоугольными со скругленными краями, изготовленными из прутьев, наборных дощечек, многослойной кожи. Широко и длительный период времени были распространены «бумажники» — стеганные халаты с основой из кожи быка или лося и покрытые хлопчатобумажной тканью — фанзой или дабой. Какое-то время сохранялись в обиходе казаков-бурят корот-

кие кюяки (кирасы), набирившиеся из металлических, кожаных или деревянных пластин и дополняемые наплечниками длиной до локтей. Причем наплечники могли составлять и отдельный защитный элемент, они выполнялись как привязные или в виде пелерины. Кюяки, как короткие, так и длинные (длиной до середины голени), дополнялись металлическими дисками — «зерцалами». Маловероятно, что оборонительное вооружение могло возобновляться в среде казаков-бурят. Его существование определялось естественным сроком службы доставшихся от предков реликвий.

Что касается огнестрельного оружия, то оно становится привычным для бурятских казаков к 40-м гг. XIX в. Причем как ружья, так и сабли, пики, луки и стрелы они приобретали самостоятельно. Инспекция 1842 г., отмечая наличие у большинства бурятских казаков луков и стрел, а у некоторых и пик, сетовала на плохое ими владение. В то же время отмечалось, что из ружей буряты стреляют лучше.

Звание атаманов в бурятских полках было наследственным, костюм атамана дополнялся дорогой саблей и кортиком с серебряным темляком. Должности сотенных командиров были выборными.

В 1830 г. в связи с попытками реформирования пограничной службы в Забайкалье в ряду прочих мер рассматривался вопрос о замене бурятских и тунгусских казаков на русские пограничные команды. Последовавшие за этим инспекции и проверки доказали целесообразность сохранения инородческих формирований. И, видимо, для улучшения вовлеченности инородческих полков в пограничную службу в 1833 г. в Троицкосавске была открыта школа для бурят-казаков, которую к 1844 г. закончило около 50 человек.

В 1851 г. с созданием Забайкальского казачьего войска на основе бурятских полков была сформирована 3-я конная казачья бригада (из двух конных полков). Войсковое население бурятских полков составляло 9811 человек.

Бригадный командир и войсковые старшины для командования полками стали назначаться высочайшими распоряжениями из штаб-офицеров регулярной кавалерии, если же они были из войскового сословия, то по представлению генерал-губернатора с утверждением императором. Порядок назначения сотенных командиров и внутреннее устройство сохранялись прежние.

Летом 1852 г. генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Му-

равьев при смотре бурятской бригады отозвался, что она не отстает от русских бригад и он испрашивает для бурят оружие и штаты наравне с русскими войсками.

К 1854 г. были утверждены штаты и оружие для бурятских полков, введено для них общее с Забайкальским войском обмундирование. На действительной службе весь порядок ее прохождения, снабжения и регулирования был сравнен с русскими полками. В остальном уклад оставался традиционным до 1895 г., когда были учреждены станицы и введено станичное управление. На 1897 г. казаки-буряты составляли 14 станиц с войсковым казачьим поселением 24 332 человека (обоего пола). От всего войскового населения Забайкальского казачьего войска буряты составляли 13,7%.

На 1915 г. в Забайкалье было 24 350 казаков-бурят и 2 923 казака из обуряченных тунгусов. В годы Гражданской войны многие из них вошли в состав отрядов атамана Семенова и приняли участие в кровопролитных боях, расколовших Забайкальское казачество на красных и белых.

ИСТОЧНИКИ

- Забайкальское казачество: Сборник документов. — Чита, 1991.
Полный свод законов Российской империи. Собрание 1, т. 8. — СПб., 1830.
Полный свод законов Российской империи. Собрание 2, т. 29. — СПб., 1855.

ЛИТЕРАТУРА

- Андриевич В.К. Сибирь в XIX столетии. Ч. II. — СПб., 1889.
Буссе Ф. Забайкальское инородческое войско: Исторический очерк. — [Б.м.], [б.г.]. — Редкий фонд Научной библиотеки Иркутского государственного университета.
Васильев А.П. Забайкальские казаки. — Чита, 1918.
Жамбалова С.Т. Традиционная охота бурят. — Новосибирск, 1991.
Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII в. — Иркутск, 1968.
Михайлов В.А. Оружие и доспехи бурят. — Улан-Удэ, 1993.
Цыбиков Г.Ц. Избранные труды. Т. II. — Новосибирск, 1991.
Щеглов И.В. Хронологический перечень важнейших дат из истории Сибири: 1032 — 1882 гг. — Сургут, 1993.

ТОФЫ И ДОБЫЧА ЗОЛОТА В БАССЕЙНЕ РЕКИ БИРЮСЫ

*Лариса Владимировна Мельникова,
старший научный сотрудник
АЭМ «Тальцы», г. Иркутск*



Тофы (в недавнем прошлом карагасы), как известно, — одна из малочисленных этнических групп, проживающих в Сибири. Административно Тофалария входит в состав Иркутской области (юго-западная часть), географически представлена горно-таежным районом Восточных Саян.

Изучение истории этого народа связано с именем профессора Иркутского государственного университета Б.Э. Петри, который в 1925 г. совершил поездку в Карагасию (Тофаларию) и собрал интересную информацию, касающуюся практически всех сторон жизни таежных оленеводов, в том числе и о занимаемой исконной территории. Из опубликованных им работ известно, что тофы делились на пять родов (Кара-Чогду, Чогду, Хааш, Сара-Хааш и Чеептей) и расселялись от р. Ии на востоке до берегов р. Енисея на западе, от среднего течения р. Уды на севере до северных склонов Удинского хребта на юге. В территориальном плане роды были объединены в две группы: восточную и западную. Восточная группа, представленная одним родом Кара-Чогду, кочевала по долине р. Ии (до верховьев р. Зимы). Западная группа была представлена четырьмя родами (Чогду, Хааш, Сара-Хааш и Чеептей) и кочевала в бассейнах рек Уды и Бирюсы. Отдельно Б.Э. Петри выделил гутарскую подгруппу, которая в начале XX в. была представлена всего шестью хозяйствами, кочевавшими по долине р. Гутары, куда входили фамилии родов Чогду, Хааш, Сара-Хааш и Чеептей. Появление гутарской подгруппы Б.Э. Петри объяснял двумя причинами: во-первых, малым количеством голов оленей, которых не хватало для длительных перекочевков; во-вторых, тем, что государство организовало в долине р. Гутары в начале 20-х гг. XX в. так называемое потребительское хозяйство, т. е. своеобразный магазин, который торговал необходимыми продуктами питания и промышленными изделиями.

Однако к началу XX в. коренное население вышеуказанной территории в полном масштабе уже не пользовалось. Б.Э. Петри в

1927 г. писал: «Здесь идет глухая скрытая борьба с наступающими со всех сторон соседями». А соседями были такие народы: с востока окинские и хошунские буряты, проживающие в долине р. Оки и в среднем течении р. Уды (с окинскими бурятами у тофов была налажена торговля); с севера русское население, с которым, по словам Б.Э. Петри, сложились «отношения самые неприязненные. Вечные столкновения на промысле из-за исконных охотничьих угодий, из-за методов промысла, постоянные вовлечения карагас в невыгодные сделки и спаивание...»; с запада камасинцы, о них тофы знали «по наслышке»; с юга сойоты, с которыми «карагасы живут в постоянной деловой связи, особенно летом. У них приобретают оленей, чем пополняют свои стада. Им сбывают порох, дробь и другие русские товары» (Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. — Иркутск, 1927. — С. 22–23).

В середине 1920-х гг. большая часть соседствующих этнических групп проникла в глубь родовых карагасских территорий: окинские буряты в погоне за белкой дошли почти до р. Уды, промышленяющие сойоты стали охотиться в верховьях рек Уды и Кара-Бурени. Дальше всех продвинулись русские. Они заняли долины рек Хайлома, Ия, Большой Шибит, Бирюса, Гутара, Агул, Тагул и Туманшет. В результате такого натиска тофы вынуждены были откочевать южнее и занять горно-таежные территории, на которых они пребывают до настоящего времени.

Таким образом, из всех соседей больше всего неприятностей доставляло русское население. Что же заставило русских проникнуть так далеко в глубь саянской тайги и поселиться на новых землях? По словам Б.Э. Петри, нижеудинские, тулунские и канские старожилы шли в тайгу за белкой и соболем, применяя пассивные методы охоты. Они ставили плашки, число которых составляло не десятки, а сотни на 1 кв. км! Такие варварские методы охоты приводили к резкому сокращению количества пушных зверей, прежде всего в долинах рек Ия, Большой Шибит, Гутара, Агул, Тагул и Туманшет. В 1915 г. на территории, прилегающей к Агульскому озеру (в прошлом земли рода Хааш), был создан Саянский заповедник, опоясавший верховья рек Гутара, Агул, Тагул и Туманшет.

По долинам крупных рек на путях тофаларских кочевков селились русские заимщики. Они занимались тем, что за необходимый в тайге товар (соль, мука, порох) скупали за бесценнок пушнину. До сих пор на карте Тофаларии сохранились фамилии некоторых из них, например, изба Оленева, изба Каранотова (в долине р. Уды), изба Никитина (в долине р. Малой Бирюсы).

В начале XIX в. русские освоили долину р. Бирюсы (в прошлом земли трех родов: Хааш — верховья, Сара-Хааш и Чеептей — сред-

нее течение). Произошло это после открытия в 1836 г. золотоносных россыпей в долине р. Хормы (правый приток р. Бирюсы). С этого времени р. Бирюса стала для русских своеобразным сибирским Клондайком. Разработка Бирюсинских месторождений россыпного золота началась с 1838 г. На карте, составленной Б.Э. Петри в 1925 г., в верховьях р. Бирюсы отмечено два прииска: Сергеевский и Преображенский. В первой половине XIX в. месторождения золота были открыты на большом протяжении р. Большой Бирюсы и на ее притоках, что послужило основанием для выделения этой территории в специальный Бирюсинский (Приисковый) район.

Разумеется, русские пришли в Саяны не по бездорожью, а по торной Бирюсинской тропе, являвшейся одной из главных дорог, по которой тофы выходили на зимние сугланы (общественные собрания), один из которых (для западной группы) проходил под г. Нижнеудинском в нижнем течении р. Рубахиной (восточная группа собиралась под Сасыркой). Бирюсинской тропой старательские поселки были связаны с г. Нижнеудинском, а «Бирюсинской зимней дорогой» — с Канским уездом. По этим тропам производилась доставка продовольствия на прииски. Для поселков старателей были выбраны удобные площадки в расширенных участках долин, защищенных от ветров. В реках водилась рыба. В устьях притоков имелись небольшие по общей площади покосные луга, которые позволяли завести лошадей и на короткое время обеспечить их кормом. В зимнее время кони добывали корм из-под снега, так как величина снежного покрова позволяла копытить. Бирюсинские зимние дороги были настолько надежными, что фигурировали в отчетах Д.К. Соловьева, работавшего в этом районе по государственной программе в целях выбора территории под Саянский заповедник, в качестве основных артерий, которые должны были связать с городами Нижнеудинском и Канском.

6 сентября 1927 г. Совнаркомом РСФСР был утвержден проект Сибкрайисполкома об образовании «Центрального Саяно-карагаского охот. хозяйства». В его состав вошли четыре сельских совета: Тофаларский, Верхне-Гутарский, Покровский и Неройский (всего 50 населенных пунктов). Тофаларский сельский совет объединил население, проживавшее в двух поселках (Алыгджер и Нерха) в восточной части Тофаларии (долина р. Уды), а Верхне-Гутарский — население, проживавшее в западной части, в долине р. Гутары, в пос. Верхняя Гутара. По этническому составу население было смешанным. Здесь проживали тофы, русские, буряты, тувинцы (процент представителей двух последних этносов был незначительным). По данным Б.Э. Петри, общее число тофов в 1925 г. составляло всего 416 человек. К Покровскому и Неройскому сельским советам от-

носились поселки старателей, находившиеся по долине р. Бирюсы (собственно Приисковый район).

Из сохранившихся в Нижнеудинском государственном городском архиве (НГГА) документов следует, что Покровский сельский совет располагался в центре Тофаларии, занимал площадь 721,4 кв. км (бассейн верхнего течения р. Бирюсы), граничил с Верхне-Гутарским, Тофаларским и Неройским сельскими советами. В 27(!) населенных пунктах проживало около 3 тыс. человек, большинство из которых занималось добычей золота. В них имелось четыре школы, больница и три фельдшерско-акушерских пункта, одни детские ясли, детский сад, три клуба, изба-читальня и шесть торговых точек. В начале 1950 г. на территории Покровского сельского совета проживало менее 1 тыс. человек. В 1950 г. в связи с закрытием Бирюсинского прииска Покровский сельский совет перестал существовать. Судя по документам того же архива, Неройский сельский совет объединял 294 тыс. га (по рекам Шангулем, Мангараж, Вершина Яги, Сухая Ерма, Малая Ерма, Черный хребет, Кременшет). Центральной усадьбой являлся пос. Яга. Пятнадцать семей составляли промыслово-рыболовецкую артель «Большевик». Рыболовецкие угодья располагались по р. Бирюсе и ее притокам до границы с Тайшетским районом. С 60-х гг. на территориях бывшего Бирюсинского прииска отдельными артелями, относящимися к «Бодайбозолоту», эпизодически проводилась промышленная добыча золота. В конце 80-х – начале 90-х гг. XX в. промышленная добыча золота в Бирюсинском районе возобновилась. В настоящее время применение новой техники, в частности мощных бульдозеров, позволяет производить открытую вскрышу золотоносных участков, а также перерабатывать старые отвалы горной породы. Однако при этом уничтожаются следы деятельности человека не только вековой давности. От прежних старательских поселков остались названия, закрепившиеся на карте: Хорой, Андреевский, Покровский, Катышный, Ильинский, Сергеевский, Миричун и т.д. В настоящее время бассейны верхнего течения рек Большой и Малой Бирюсы, а также бассейн р. Уды сохраняют еще сведения о способах добычи золота в Саянах в прошлом столетии.

В 1994 г. впервые представился случай попасть на территорию Бирюсинского приискового района (земли бывшего Покровского сельского совета) и начать обследование участков долины верхнего течения р. Бирюсы (земли рода Хааш). Обследование производилось Центром сохранения историко-культурного наследия Иркутской области (В.С. Николаев, Л.В. Мельникова), фотофиксация осуществлялась членом Союза фотохудожников России М.В. Свинойной.



На этом месте когда-то стоял самый большой старательский посёлок Покровский (правый берег р. Большой Бирюсы)

На всех участках, где мы были, ничто не напоминало о бурной некогда жизни. Нас окружала тайга да невысокие заросшие горные хребты, между которыми журчали речки с чистой холодной водой. На месте старательских поселков теперь только трава колыхается да густо растут кусты ерника (карликовой березы).

Работая в долине р. Черной Бирюсы, мы натолкнулись на одиноко стоящую русскую подовую печь, сложенную из валунника. Невольно вспомнилась русская народная сказка «Гуси-лебеди»! Среди саянской тайги в долине реки стояла печка с открытым прокопченным зевом. На задней ее части, которая когда-то служила теплым спальным местом, рос куст ерника. От дома, в котором печь стояла, сохранился только квадрат, сложенный из толстых лиственничных бревен, оконтуривший пространство вокруг печи.

О бывшем старательском поселке Сергеевский, располагавшемся на правом берегу р. Большой Бирюсы, в устье одноименного ручья в настоящее время напоминают лишь остатки старательского кладбища, которое отдельным островком стоит между высокими галечными отвалами переработанной породы. Кладбище, вернее, все, что от него осталось, можно узнать по нескольким одиноко растущим березкам. В момент его посещения в 1995 г. вместе с жителем пос. Бухарино Борисом Александровичем Пряженниковым (1941 года рождения) среди высокой травы мы увидели несколько деревянных восьмиконечных и четырехконечных крестов. Надписей на крестовинах почти не сохранилось, за исключением отдельных фрагментов, где буквы были вырезаны ножом: «Буртаков, Makeев Василий, Сконналис». По сообщению Б.А. Пряженникова, старожила этих мест, кладбище действовало в течение 100 лет (с середины XIX до середины XX в.). Нынешние артельщики стороной обходят старательс-



Общий вид русской подовой печи (долина р. Черной Бирюсы)

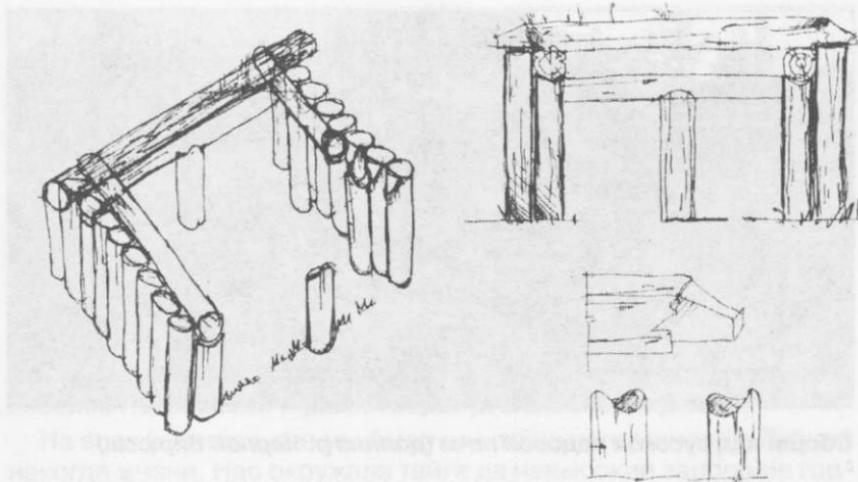
кие кладбища, оставляя одинокие островки среди выработок, которые постепенно сливаются с отвалами горной породы.

Если в тайге ничего не напоминает о прежних жилых местах, а на картах имеется пометка «нежил.», то в долине р. Большой Бирюсы и на ее притоках видны следы старательской деятельности: заросшие старые отвалы промытой горной породы, остатки береговой крепи, фрагменты штолен, а долины как оспинами изрыты шурфами различной глубины (с крепью и без нее).

Известно, что в XIX в. старатели добывали золотоносную породу при помощи кайлы и лопаты, буквально вгрызаясь в борта рек, т.е. строили штольни. Фрагменты штолен мы видели на всех обследуемых участках. Но более всего нас поразили остатки нескольких из них, расположенных в районе бывшего поселка Сергеевский. На участке борта протяженностью 250–300 м мы насчитали 18 штолен. В отдельных коридорах видимая их длина составляла 40–60 м.

Штольня — горизонтальная или наклонная подземная горная выработка (коридор) с непосредственным выходом на земную поверхность; предназначена для обслуживания подземных горных работ. Штольни сооружали с укрепленными бревенчатыми стенами и потолочным перекрытием (диаметр бревен составлял 15–20 см). По некоторым сохранившимся фрагментам нами выполнена реконструкция крепления. Ширина коридора штольни составляла от 3 до 5 м.

Два коридора из осмотренных штолен имели дополнительно по центральной опорной стойке, на которую было уложено поперечное бревно, поддерживающее потолочное перекрытие.



Реконструкция бревенчатого крепления штольни с центральной крепежной стойкой

Установить расстояние между центральными стойками, а также высоту коридора не представлялось возможным, так как штольни были заполнены водой, дно заилено. По сообщению Б.А. Пряженникова, высота штолен была такова, чтобы в ней могла проходить лошадь с телегой, нагруженной породой.

Золотоносную породу вывозили к реке, где ее промывали. В верхнем течении р. Катышный (Катышиндагой) мы увидели систему искусственных сливов. Система состояла из нескольких толстых лиственниц с обрубленными ветвями и верхушкой, уложенных поперек реки на расстоянии друг от друга 30–40 м так, чтобы вода переливалась через них. Функциональное назначение искусственных сливов нам объяснили начальники участков Владимир Михайлович Луцук и Виктор Федорович Данилов. Оказывается, под искусственными сливами на звериных шкурах в XIX в. промывали (обогащали) размельченную золотоносную породу.

Для того чтобы в реке держался необходимый уровень и объем воды, слабые участки берега укреплялись. Так, в непосредственной близости к одному из бревен, уложенных поперек реки, была сооружена крепь, которая служила своеобразным искусственным берегом. Система крепления следующая. Основой крепи являются своеобразные «козлы», сооруженные из бревен (диаметр 10–15 см). «Козлы» вбиты вертикально в ложе реки на расстоянии друг от друга 2–3 м (высота их составляет около 1 м). Пред-



Искусственный слив, обустроенный в верховьях реки Катышный

назначены они для поддерживания бревен, наклонно поставленных к реке. Нижние концы наклонных бревен вбиты в дно, дополнительно укреплены крупным валунником. Поперек наклонных бревен положены жерди, поверх которых уложен толстый слой мха вместе с растущими на нем кустами ерника. Таким образом, общая длина искусственного берега составила около 10 м.

В устье р. Миричуна (левый приток р. Большой Бирюсы) нам показали фрагменты уникального инженерного сооружения — водовода, созданного в XIX в. На данном участке водовод уложен на крутом склоне отрога Гутарского хребта (угол склона составляет до 45°). Под него была специально вырублена полка (ширина 1,5–2 м) на высоте около 80 м от уровня р. Большой Бирюсы. По сообщению начальников участков В.Ф. Данилова, В.М. Луцука и главного геолога Андрея Васильевича Салаева, данное сооружение использовалось для забора и отвода речной воды, которая поступала «самотеком», с целью промывки горных пород на берегу р. Большой Бирюсы. Сохранившиеся фрагменты представляют собой деревянный желоб из продольно сложенных жердей (диаметр 8–10 см), между которыми проложен мох. В поперечном сечении желоб квадратный. Вертикальные стенки крепились при помощи двойных стоек, стянутых в верхних концевых частях поперечинами. Между нижними концами стоек укладывалась «враспор» поперечная жердь. Таким образом, основным креплением желоба была рама квадратной формы. Желоб сложен без гвоздей. Жерди соединены между собой «в паз». По



Искусственный берег реки Катышный

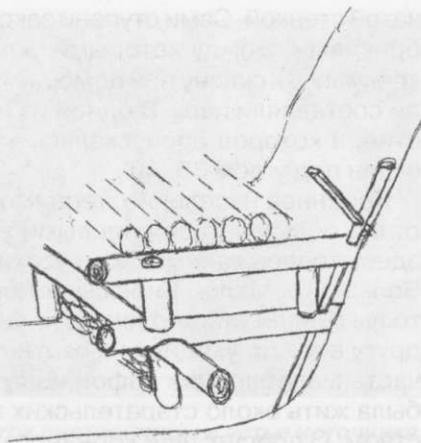
сообщению информаторов, желоб имел длину около 10–15 км. В.Ф. Данилов объяснил, что уникальность данного инженерного сооружения заключается в том, что оно представляет так называемую переходную форму промывочного «прибора» между первым его вариантом (описанным выше) и паровым вашгердом. Главное отличие машин следующего поколения (паровых) заключалось в скорости подачи воды, что влияло на уменьшение потери драгоценного металла.

В узких долинах горных речек, где не хватало воды для промывания породы, сооружали систему шлюзов, при помощи которых в весенне-летний период (таяние снега, паводки) производили накопление воды не только в технических целях (для промывания и транспортировки горной породы), но и для бытовых нужд.

На многих участках мы видели фрагменты береговой крепи. В одних случаях крепь была представлена простой вертикальной бревенчатой стенкой (бревна уложены параллельно берегу), в других — более сложным сооружением, например, когда между двумя линиями вертикально вбитых толстых бревен дополнительно укладывались в горизонтальном положении такие же толстые бревна. На тех участках реки, где долина сужалась и не было необходимого пространства для сооружения отвалов из промытой горной породы, возводили один высокий отвал. Стенку, обращенную к реке, укрепляли бревнами. Такое сооружение мы видели в среднем течении р. Катышный (Катышиндагой), которое фиксировало высокий отвал, ставший в свою очередь своеобразной

искусственной террасой. Видимая часть крепи протянулась вдоль берега на расстояние 300–400 м.

Крепь сложена из ошкуренных бревен (диаметр 15–20 см), являющихся основой, и жердей (диаметр 7–9 см), уложенных продольно в основании склона. С целью создания единой непрерывной линии крепи концевые части бревен соединялись между собой. Предварительно они уплощались, затем накладывались друг на друга. В центре соединения вырубалось сквозное



Реконструкция береговой крепи в долине реки Катыйшный

круглое отверстие, куда забивалась часть жерди, верхний конец которой имел утолщение. Таким образом происходило закрепление не только концевых частей бревен, но и крепление их к земле в целях предотвращения смещения.

Бревенчатая линия дополнительно крепилась при помощи поперечных бревен. При необходимости над первой бревенчатой горизонтальной линией возводили вторую и третью линии. Следовательно, основание склона укреплялось деревянной ступен-



Фрагмент береговой крепи в основании отвала реки Катыйшный

чатой стенкой. Сами ступени закрывались толстыми жердями или бревнами, между которыми укладывали мох. Вся конструкция крепилась к склону при помощи жердей. Причем крепежные жерди составляли пару. В одной из них вырубалось сквозное отверстие, в которое пропускалась вторая жердь. Она забивалась в склон под углом 35–40°.

Коренное население, теснимое русскими старателями, перестало пользоваться родовыми угодьями. Таежным промыслом здесь теперь занимались русские. Но по долинам притоков рек Большой и Малой Бирюсы остались торные тропы, по которым тофы гоняли стада оленей, ходили из поселка в поселок друг к другу в гости, уходили на охотничий промысел. Незначительная часть малооленных тофов из гитарской подгруппы вынуждена была жить около старательских поселков, занимаясь скорнячеством. О присутствии коренного населения в Приисковом районе



Рамочная конструкция крепления траншеи, по которой была выведена минерализованная вода из старательского шурфа в долине реки Черной Бирюсы

прежде всего говорят сохранившиеся в долинах остовы чумов. Их ставили однажды и не разбирали, когда откочевывали на другое место. О том, что остовами пользовались на протяжении длительного времени, свидетельствуют незарастающие кострища. В отдельных долинах нами отмечены охотничьи лабазы (воздушные и наземные). Воздушные лабазы выполнены из жердей, сложены между близко растущими деревьями. Наземные выполнены из камней, закрыты жердями.

В долине р. Черной Бирюсы был обследован уникальный памятник, созданный в прошлом веке. Вероятно, во время шурфовочных работ была найдена минерализованная вода. С целью ее использования прорыли траншею по линии север–юг длиной 230 м, по которой вода самотеком выш-



Волосяное кольцо на одной из веток лиственницы в устье источника

ла к ручью. Стенки траншеи укреплены продольно уложенными жердями (диаметр 10–15 см) на глубину траншеи. Основу крепления стенок составляет рамочная конструкция. Система крепления та же, что и описанного желоба водовода.

Источником стали пользоваться все: и русские, и тофы. Тофы превратили его в место поклонения. На ветках лиственниц, растущих в непосредственной близости к устью траншеи, привязаны священные ленточки «джалама» из хлопчатобумажного материала. Они прикреплены двумя простыми узлами, их концы неравной длины. На одной из веток висит петля из несплетенного конского волоса (диаметр 6 см) с длинным выпущенным концом. Знакомые тофы, живущие в пос. Нерха еще в 80-е гг., говорили мне, что они ходят на источник «оставлять свои болезни».

В связи с тем что за состоянием траншеи никто не следит, большая ее часть (от шурфа к устью) нарушена в процессе подвижки почвы. Верхние края бортов сблизались, закрыв собственно траншею. Только виднеющиеся из земли вертикальные стойки от рамочных конструкций отмечают прямую линию. Относительно целой она остается пока в приустьевом участке. В 1994 г. мы видели здесь множество самых разнообразных звериных следов. Звери приходили ночами сюда как на естественный солонец.

Из всех объектов, описанных в данной статье, в настоящее время в тайге не осталось ни одного, за исключением инженерного сооружения — траншеи, при помощи которой из шур-

фа была когда-то выведена минерализованная вода. Да и то в процессе добычи золота с нарушением водоносных слоев источник пересох. Как нам представляется, чтобы сохранить информацию о технологии добычи золота в Приисковом районе Тофаларии и о взаимоотношениях этносов, необходимо в будущей тофаларской экспозиционной зоне музея «Тальцы» в качестве «новоделов» отразить и такую страничку истории Тофаларии, как проникновение русских и использование ими родовых земель тофов.

ИСТОЧНИКИ

Годовые отчеты сельскохозяйственной артели «Большевик» Неройского сельского совета // НГГА, ф.48, оп.1, ед. хр.12, св.1.

О работе Покровского сельского совета // НГГА, ф.49, оп.1, ед. хр.6, св.1.

Протоколы заседаний, решения исполкома Неройского сельского совета // НГГА, ф.48, оп.1, ед. хр.22, св.1.

Протоколы общих собраний членов промыслово-рыболовецкой артели «Большевик» Неройского сельского совета // НГГА, ф.48, оп.1, ед. хр.11, св.1.

ЛИТЕРАТУРА

Мельникова Л.В. Тофы: Историко-этнографический очерк. — Иркутск, 1994. — 304 с.

Петри Б.Э. Карагасский суглан. — Иркутск, 1926. — 40 с.

Петри Б.Э. Охотничьи угодья и расселение карагас. — Иркутск, 1927. — 32 с.

Петри Б.Э. Оленеводство у карагас. — Иркутск, 1927. — 46 с.

Петри Б.Э. Бюджет карагасского хозяйства. — Иркутск, 1928. — 72 с.

Петри Б.Э. Промыслы карагас. — Иркутск, 1928. — 54 с.

Соловьев Д.К. Саянский промыслово-охотничий район и соболиный промысел в нем // Отчет Саянской экспедиции департамента земледелия, работавшей в 1914–1916 гг. под начальством старшего специалиста по промысловой охоте Д.К. Соловьева. — Пг., 1920. — 458 с.

Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832–1917). — Иркутск, 1990. — 308 с.

ИСКУССТВО НАРОДОВ ПРИАМУРЬЯ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА...



*Николай Владимирович Кочешков,
доктор исторических наук, профессор,
Институт истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока
ДВО РАН*, г. Владивосток*

На территории Приамурья едва ли можно указать район более богатый и насыщенный памятниками художественной культуры, чем бассейн Нижнего Амура. Эта особенность бросалась в глаза всем исследователям, имевшим возможность побывать, а тем более жить среди нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей, негидальцев, объединенных общим наименованием «тунгусо-маньчжур», а также среди близких им по культуре нивхов-палеоазиатов.

По данным академика А.Ф. Миддендорфа, изучавшего культуру и быт народов Амура в 1842–1845 гг., гольды (нанайцы) имели в своем декоративном искусстве ярко выраженные этнические традиции. В их орнаменте преобладали простая спираль и изгибающиеся линии, одноосная симметрия и яркая тональность. Широкое распространение в вышивке и украшении изделий из бересты получил к этому времени крупный по размерам криволинейный орнамент, состоящий из разного рода спиралей и завитков, а также розеток, включающих элементы стилизованного изображения птиц, бабочек, рыб, пресмыкающихся. В колорите одежды, обуви, ковров у нанайцев преобладали теплые, хорошо подобранные тона, создающие радостную цветовую гамму. Это особенно хорошо видно при сравнении искусства нанайцев с достаточно суровым искусством народностей Камчатки и Чукотки. Скульптура нанайцев была тесно связана с шаманскими ритуалами и поэтому изготовлялась только мужчинами. Под руководством шаманов при помощи топора и ножа они создавали деревянные ритуальные изваяния «сэвэны», которые являлись хозяевами духов, покровителями, помощниками шаманов.

Исследователь культуры и быта гиляков (нивхов) академик Л.И.

* Дальневосточное отделение Российской академии наук



Мастерица Б.И. Киле (род. в 1912 г.). Халат нанайский женский. Х/б ткань, аппликация, вышивка. Художественный фонд России

одежду, обувь, головные уборы, рукавицы, постельные принадлежности, берестяную и деревянную посуду, а мужчины — жилые и хозяйственные постройки, лодки, нарты, ножи, колыбели, надгробные домики, костяные игольники. Орнамент отличался крупными размерами, яркими красками, сложными формами. Ленточный и криволинейный орнамент изобиловал спиральями и переплетающимися линиями, образующими оригинальные композиции, в которые нередко вплетались стилизованные изображения рыб, птиц, диких зверей. Такое построение нивхского орнамента указывает на его связи с айным искусством.

В свое время академика А.Ф. Миддендорфа восхитило искусство негидальцев, небольшой таежной народности, живущей по берегам р. Амгуни и ее притоков. Особо понравились ему художественно исполненные

Шренк побывал у них в 1854–1856 г. Он отмечал распространение у этой народности деревянной скульптуры культового характера. На самобытных нивхских ковшах «нихыр», используемых на медвежьем празднике, и на многочисленных лодках «кырш» изображалась голова медведя. Кроме того, бытовали скульптурные изображения нерпы, белуги, гагары, кукушки, а также человека. Последние посвящались умершим. Сразу же после смерти человека из дощечек делали его стилизованную фигуру в одежде. Большое внимание нивхи уделяли украшению бытовых изделий. Женщины орнаментировали



Мастерица Ч.З. Киле (1890–1981). Коврик нанайский. Х/б ткань, сугаж, аппликация. Художественный фонд России

нагрудники, головные уборы и обувь. Негидальская мужская погребальная одежда выполнялась из ровдуги и меха соболя. Широко применялась ручная вышивка гладью и петельным швом, исполняемая подшейным волосом оленя и шелковыми нитками. Поразили его также кисеты из выделанной тюленьей шкуры, футляры для ножей, сделанные из хвоста рыбы, и изделия из бересты. «Приходится одинаково удивляться и симметрическому вкусу, и удачливости выполнения, — отмечал А.Ф. Миддендорф, — при помощи небольшого ножичка, поперек вставленного в черенок, и держа рядом, для разграничения, большой палец свободной руки, женщина вырезала фигуры от руки на моих глазах. Вследствие этой ловкости в изготовлении бересты у негидальцев все принимает красивый вид».

Своеобразие искусства негидальцев заключалось еще и в умении женщин вышивать блестящими белыми нитками, приготовленными из внутренней кожи главной артерии северных оленей и лосей. Кайма к футлярам для хранения огнива и трубки, к кошелькам, сумочкам и другим изделиям из кожи подбиралась очень удачно из самых нежных перьев красивых птиц, разнообразные чучела которых умели делать негидальские мужчины-охотники.

Анализируя старинное зимнее жилище ульчей, издавна живущих в низовьях Амура, С.В. Иванов описал и некоторые предметы обихода, сделанные из дерева и бересты. На нарах и на полу стояли различные деревянные коробки для мелких вещей и берестяная посуда, богато украшенные орнаментом, по технике исполне-



Мастерица А.К. Самар (1910–1991). Туески нанайские. Береста, резьба. Художественный фонд России



Ульчский женский свадебный халат середины XX века. Ткань, мех, аппликация. Дальневосточный художественный музей, г. Хабаровск

существовало самобытное народное искусство. Будучи в своей основе реалистическим, оно несло в себе богатые традиции, которые отражали интересы, устремления и творческую фантазию охотников и рыбаков, переживавших начавшееся разложение родового строя.

В конце XIX – начале XX в. искусство тунгусо-маньчжуров и нивхов подпадает под влияние искусства соседей — эвенков и особенно под благотворное влияние великой русской культуры.

Например, наряду с переработанными старыми формами и сюжетами более позднего происхождения в искусстве народностей Нижнего Амура можно увидеть и типичную для эвенков трактовку и характеристику животных. Таковы явно заимствованные у эвенков берестяные или бумажные детские игрушки в виде силуэтов животных и человека. Кроме

ния и по формам напоминавшие нивхские. Нары были покрыты циновками, а под окнами на нарах лежали длинные подушки призматической формы, прикрытые сложенными в несколько раз подстилками «сектицу» и одеялами «цукту». В интерьере старинных жилищ ульчей орнаментальные деревянные столбы «бакба турани», образовавшие каркас жилища, украшались спиралевидными и спиральноленточными узорами.

Таким образом, в XVIII – первой половине XIX в. на Амуре



Ульчский пояс (фрагмент) середины XX века. Хабаровский краеведческий музей

того, у аборигенов Нижнего Амура бытовали амулеты от болезней, вырезанные из рыбьей кожи и изображавшие всадников, птиц, змей. Характерный для эвенков берестяной трафарет проник и в искусство тунгусо-маньчжуров и нивхов. Роль его была двойной. В одних случаях он употреблялся в качестве шаблона и после использования выбрасывался, в других — наклеивался на кожу или материю и зашивался цветными нитками в технике глади. Наиболее ярко элементы древнего искусства эвенков выступали в архитектурной резьбе по дереву. На столбах и балках нанайских домов конца XIX — начала XX в. можно было видеть отдельные плоскорельефные фигуры животных, например, кабана, оленя, сцены погони собаки за кабаном или зайцем, охоты на медведя. У удэгейцев и орочей изображения животных встречались на принадлежностях шаманского облачения, на берестяных коробках для хранения шаманских атрибутов и в детских игрушках.



Дополнительные украшения к одежде народов Приамурья (рукавицы нанайские, наушники ульчские, нарукавник удэгейский, перчатки ороческие). Дальневосточный художественный музей, г. Хабаровск



Удэгейские сумочки начала XX века. Рыбья кожа, мех соболя, вышивка. Приморский краеведческий музей им. Арсеньева, г. Владивосток

ные орнаментом. Сильное влияние русской культуры отмечалось и у нивхов. В их домашнем производстве появились различные плотничьи и столярные инструменты, широко распространились срубные дома, русские ткани, нитки, одежда.

Немало нового появилось в традиционном искусстве в советское время. Еще задолго до войны нанайская мастерица из селения Сакачи-Алян Мария Атканка создала несколько прекрасно вышитых халатов, показанных в 1936 г. на Всероссийской выставке колхозных и совхозных художников в Москве, а в 1939 г. она же и ее землячки М. Оненко и О. Бельды были удостоены Диплома Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В советское время большую известность получили и многие произведения нивхских мастериц Ивлюк, Понек, Канин, Кит, Куйк, Пырин и др. Даже в суровые годы войны сохранялся интерес к искусству народностей Севера. На выставке периферийных художников в Москве (1943 г.) нанайские мастерицы М. Атканка и О. Бельды показывали свои лучшие произведения — свадебные халаты, украшенные национальным орнаментом.

Со второй половины XIX в. всевозрастающее влияние на различные стороны хозяйства и быта народностей Нижнего Амура стала оказывать русская культура. Старинные зимние дома без настила и потолка постепенно уступали место рубленым избам, менялось и внутреннее убранство жилища. Большие изменения произошли и в одежде. В результате этнические традиции в декоративном искусстве начали приобретать новые черты. Нанайцы стали носить вышитые рубашки русского и украинского покроя, а на женских халатах теперь можно было нередко увидеть кайму из русской кружевной тесьмы и т.п. Ульчи также охотно заимствовали русскую одежду: многие мужчины-ульчи носили сапоги, вышитые рубашки-косоворотки, картузы, украшен-

В первые послевоенные годы стали известными удэгейские мастерицы Г. Камандига, А. Самандига, Л. Пионка, А. Кимонко, ульчанки Г. Дечули, Б. Кусаили, М. Удзял, О. Росугбу, негидалки Е. Алексеева, А. Казарова и др. Из среды народностей Приамурья вышли первые профессиональные живописцы и графики, имеющие специальное художественное образование. Это нанайцы — живописец А. Бельды и мастер графики А. Гейкер, нивх-живописец С. Гурка, ульчский художник А. Дятала.

Но начиная с 80-х гг. в искусстве народностей Нижнего Амура стали наблюдаться серьезные спады. Буквально на наших глазах угасают очень ценные традиции в искусстве орочей, удэгейцев, нивхов, что вызывает серьезную тревогу. Мастера начинают забывать секреты обработки рыбьей кожи, среди нанайцев, ульчей, орочей, негидальцев почти исчезли мастера художественной резьбы по дереву.

Конечно, есть еще отдельные энтузиасты, заботящиеся о возрождении и развитии лучших традиций народного творчества. Например, старейший хабаровский искусствовед К.П. Белобородова сумела поднять общественный интерес к искусству народностей Приамурья, устраивая выставки и конференции. Ради этого, не считаясь ни с трудностями, ни с почтенным возрастом, она выезжала в самую глубинку Хабаровского края, отыскивая там народных умельцев и вовлекая их в творческую жизнь. При участии К.П. Белобородовой Союз художников России организовал в Москве Художественный фонд уникальных произведений дальневосточных мастеров. Сегодня уже около 20 мастериц, убежденных в необходимости возрождения традиционных художественных ремесел, стали создавать на дому интересные произведения декоративного искусства.

Однако этого не скажешь о Приморском крае, где проживают



Трафарет удэгейского узора начала XX века. Береста, х/б ткань, резьба. Российский этнографический музей, г. Санкт-Петербург

большинство удэгейцев, часть нанайцев и орочей. Забыты народные умельцы и в местах проживания нивхов и сахалинских ороков.

В результате такого невнимания к подготовке национальных кадров дети северян ничего не знают о своем родном искусстве, уроки труда проходят у них в отрыве от жизни, а преподавание рисования нередко доверено неподготовленным лицам. Это отрицательно сказывается на развитии национального искусства. А еще работающие мастерицы, как правило, весьма пожилого возраста. Таким образом волей-неволей утрачивается связь с традициями народного искусства, что неизбежно снижает уровень мастерства.

К сожалению, на пороге XXI в. искусство малых народностей Дальнего Востока замедлило свое развитие, его больше уже не увидишь, например, в Приморье и на Сахалине, да и в низовьях Амура. А письменность свою имеют только нанайцы да нивхи. Поколению, не знающему родного языка, грозит полное и быстрое исчезновение с лица земли. И все-таки так хочется верить, что большое искусство коренных народностей Нижнего Амура имеет не только богатую историю, но и что у него возможно и достойное будущее.

ЛИТЕРАТУРА

Белобородова К.П. Приамурские узоры. — Л., 1975.

Иванов С.В. Орнамент народов Сибири как исторический источник (по материалам конца XIX – начала XX в.). — М.; Л., 1963.

Каталог выставки периферийных художников. — Л., 1943.

Каплан Н.И. Народное декоративно-прикладное искусство Крайнего Севера и Дальнего Востока. — М., 1980.

Кочешков Н.В. Декоративное искусство народов Нижнего Амура и Сахалина XIX–XX веков: проблемы этнических традиций. — СПб., 1995.

Краски земли Дерсу: фоторассказ об искусстве малых народов Приамурья. — Хабаровск, 1982.

Сельскому учителю о народных художественных ремеслах Сибири и Дальнего Востока: книга для учителя. — М., 1983.

Тарвид Л.П. Народное искусство Приамурья // Художник. — 1991. — № 7. — С.36–40.

Традиционное и современное искусство коренных народов Приамурья: каталог выставки. — Хабаровск, 2000.



АРХИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ НА СЛУЖБЕ ТОПОНИМИИ ВОСТОЧНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ



*Раиса Гендыбаловна Жамсаранова,
преподаватель средней школы № 13,
г. Чита*

Топонимия Восточного Забайкалья имеет свою специфику, которая заключается в наложении элементов русского языка на уже имеющиеся образования на основе тунгусоязычных, монгольских, самодийских и палеоазиатских названий.

Однако большинство значимых географических объектов сохранили свои исконные названия. Лексико-семантический анализ ряда субстратных топонимов привел к необходимости проследить историю заселения края. Необходимо отметить, что в первых публикациях по топонимии Восточного Забайкалья М.Н. Мельхеева и В.Ф. Балабанова имеются лишь ссылки на некоторые печатные труды, в частности на «Землеведение Азии» К. Риттера, И. Бичурина, «Путешествие через Сибирь из Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году».

Более полная и объективная картина топонимии Восточного Забайкалья на период освоения его русскими в начале XVII в. представлена в архивных документах второй половины XVII – первой половины XIX в. Так, в Государственном архиве Читинской области (ГАЧО) имеются данные обо всех инородческих управах, существовавших на территории Читинской, Верхнеудинской, Селенгинской и Баргузинской областей (ГАЧО, ф. 19, оп. 1, д. 156, л. 14). В них указано число оседлых, кочевых и бродячих инородцев, число исповедующих православие, ламаизм и шаманизм.

Инородные управы объединяли родовые управления бурят и эвенков Забайкалья и являлись административным ап-

паратом второго звена после *Степной Думы*. Архивные материалы сообщают, что инородная управа состояла из *головы*, двух выборных и письмоводителя. Родовые управления Думы во всем подчинялись инородной управе. *Головы* инородных управ получали свое звание наследственно или выборно, согласно обычаю своего племени. Выборные и письмоводители назначались всегда по выбору родовичей (членов родовых управ) на определенное и неопределенное время. Начальники инородных управлений и члены инородных управ утверждались губернатором. Управы несли функции по обнародованию и исполнению всех предписаний начальства, по судебному надзору и исполнению судебных предписаний (ГАЧО, из предисловия к описи ф.55, л.1–5). При выполнении всех перечисленных функций царским чиновникам следовало учитывать кочевой образ жизни инородцев, поэтому так важны были списки «весенних, летних, осенних и зимних кочевков» бурят (ГАЧО, ф.19, оп.1, д.269, л.80) и названия урочищ и падей, где следовало найти то или иное тунгусское родовое управление. Для исследователей, несомненно, представляют интерес названия управ. И, как уже было ранее отмечено, названия бурятским управам присваивались также не только *по месту обитания*, но и *по самоназванию родов* (подродов — «кукуров»), кочевавших в пределах данной управы и составлявших большинство инородческого населения. Из списка управ нами выделены следующие названия: *Гучитская, Барун-Харганатская, Кубдутская, Хоацайская, Галзотская* инородные управы. Не составляет труда распознать в этих названиях имена следующих бурятских родов: *гучит, харганат, кубдуут, хоацай, галзуут*. Следовательно, на территории этих управ можно встретить топообразование, где в роли топоосновы выступает тот или иной этноним.

Несомненный интерес для исследователей представляет документ, датированный 1897 г., «*Ведомость о крестьянских и инородческих поселениях Забайкальской области с показанием народонаселения и учреждений в них находящихся*» (ГАЧО, ф.19, оп.1, д.86). Согласно этому документу, в Верхнеудинском округе существовали следующие поселения: в Ку-

налейской волости Котоевское (234 версты от г. Верхнеудинска), в Урлукской волости селения Котойское и Киретское, в Ильинской волости селение Юговское (68,5 версты от г. Верхнеудинска), в Итанцинской волости селение Зыряновское (64 версты от г. Верхнеудинска, 508 верст от г. Читы). Нами замечено, что в перечисленных ойконимах в качестве топонимической основы следует выделить самоназвания самодийскоязычных народов: *коттов, югов, кирет, зырян*, а следовательно, названные народы некогда жили на территории Восточного Забайкалья. В наши дни многие из этих топонимов исчезли или изменили свое первоначальное звучание вследствие утраты этимологического смысла. В Петровск-Забайкальском районе Читинской области есть село *Катаево*, которое, скорее всего, было раньше *Котоевское*.

Особый интерес вызывает документ из фондов ГАЧО «Ведомость об инородческом населении Хоринской Степной Думы Верхнеудинского Округа от 1897 года» (ГАЧО, ф. 19, оп. 1, д. 89). Такие географические названия, как «*Билхад* (38 дворов, 220 душ), *Аца-Шибирь* (16 дворов, 66 душ), *Шана* (29 дворов, 146 душ), *Тожи* (4 двора, 18 душ), *Холой* (3 двора, 12 душ), *Янгя* (13 дворов, 89 душ), *Бурта* (22 двора, 100 душ)», рассматриваются нами как доказательство того, что в давние времена на территории Восточного Забайкалья проживали протобурятские народы, и, очевидно, этимологию этих названий следует искать в некоторых палеоазиатских языках. В данной «Ведомости» отмечено около 625 названий улусов и поселений только *Хоринской Степной Думы*. Без сомнения, этот уникальный документ представляет огромный интерес для исследователей разного направления — как лингвистов, так и историков и этнографов. В отличие от археологических и других исторических данных, только топоним в состоянии наиболее достоверно зафиксировать факт проживания того или иного народа. Следует заметить, что топоним отражает состояние культуры этноса, его этнический менталитет. Для примера проиллюстрируем свою мысль: одна из указанных в архиве управ — *Урульгинская*, объединяла родовые управления бурят и *забайкальских тунгусов*. Каждое стойбище или улус, в котором было не менее 15 семейств, образовало свое

родовое управление. Если в стойбище или улусе было менее 15 семейств, то оно причислялось к близлежащему родовому управлению. Родовое управление состояло из старосты и одного или двух его помощников. Староста управления избирался. В некоторых родах это звание, согласно обычаям рода, было наследственным. Стойбищу эвенков присваивалось определенное название или оно *называлось по имени первого старосты*. В «Именных списках тунгусов на сбор ясака от 1831 года» (ГАЧО, ф.29, оп.1, д.7) перечислены все тунгусские роды с указанием старост родовых управлений. Также имена собственные тунгусских старост с их родовыми «тамгами» фаунистического характера встречаются в «Книгах указов», «Ведомостях по сбору ясака», «Ревизских сказках», «Походных книгах тунгусов». Интересны документы, где указаны названия урочищ, рек и падей с припиской «тут промышляет Кельтегирского рода староста» (ГАЧО, ф.29, оп.1, д.221, л.9–10).

В результате проведенных изысканий нами подтверждена версия о возникновении таких топонимов, как *Борзя, Бырка, Билютуй, Соктуй, Молоков, Бада* и т.д., что происхождением своим они обязаны имени собственному первого старосты того или иного рода тунгусов, кочевавшего в разных районах Восточного Забайкалья. В случае многочисленности и жизнеспособности своей род тунгусов оставлял о себе память в топонимах во многих местах Забайкалья, порой находящихся на удалении нескольких сотен километров друг от друга. Так, например, топооснова от имени собственного «*Борзя*» (*Борзи, Борзин*) встречается в Борзинском районе (*Борзя* — населенный пункт), в Александрово-Заводском (села *Онон-Борзя, Савво-Борзя*), в Калганском районе (ойконим *Средняя Борзя*), в Приаргунском районе (село *Талман-Борзя*).

В Карымском районе есть оронимы *Бырка-Бира, Быркытан-Янг*, в Борзинском районе существуют ойконим *Передняя Бырка* и река *Бырка*, в Оловянинском районе есть село *Хара-Бырка*, река *Бырка*. Топонимы эти появились от имени первого старосты тунгусов — *Бырка*. Одноименные названия от антропонима *Биликтуй (Билютуй)* встречаются в Кыринском и

Краснокаменском районах Читинской области. Недалеко от г. Читы есть известный курорт *Молоковка*. В уже упомянутом нами архивном документе от 1897 г. (ГАЧО, ф.19, оп.1, д.89) есть улусы с названиями «*Бадинская Чала (Шилэ), Бадинская Кусота, Бадинская Захилта*». В настоящее время в Хилокском районе известна станция *Бада*. Все эти топонимы появились благодаря антропониму *Бада (Бода)*.

В документах Урульгинской Степной Думы упоминаются населенные пункты *Верхняя и Нижняя Талача*, река *Талача* (ГАЧО, ф.29, оп.1, д.221, л.9). Топонимы эти сохранились без изменения в языке до настоящего времени. Так, монголовед из Венгрии Катарина Ураи-Кехальми считает, что тунгусы долины Шилки-Ингоды (*Duligad, Talatsa*) являются одним из многих (39) тунгусских родов. Возможно, что *эвенки Талача* кочевали не только в родном Забайкалье, но и побывали в Прибайкалье, ведь ойконим *Тальцы* есть как около г. Улан-Удэ, так и недалеко от Иркутска. Можно предположить, что *цонгольское* диалектное произношение «*Талаца*» со временем превратилось в русское «*Тальцы*». Заманчиво предположить до научных этимологических разысканий, что современные «*Тальцы*» есть прообраз тунгусского «*Талача*».

Интересно заметить, что если буряты называли места своего обитания самоназванием своего рода, то для тунгусов было характерно территориальное обозначение своих охотничьих угодий и мест обитания по имени собственному своего вожака. И этот факт из исторического прошлого народов Восточного Забайкалья нашел отражение в топонимическом наследии края и подтверждается архивными источниками Читинской области.

ЛИТЕРАТУРА

Мельхеев М.Н. Географические названия Восточной Сибири. — М., 1969. — С.42–43.

Шагдаров Л.Д., Дамдинов Д.Г. О языке ононских хамниган // О зарубежных монголоведных исследованиях по языку. — Улан-Удэ, 1968. — С.49.



ОТЧЕТ О РЕЗУЛЬТАТАХ ЭКСПЕДИЦИИ В КАЧУГСКИЙ РАЙОН В 1999 ГОДУ

*Елена Геннадьевна Манушкина,
старший научный сотрудник
АЭМ «Тальцы», г. Иркутск*



В августе 1999 г. сотрудниками архитектурно-этнографического музея «Тальцы», Т.Л. Пушкиной, Л.А. Анхоновым, Е.Г. Манушкиной, была организована экспедиция по деревням Качугского района. Целью экспедиции являлись изучение особенностей планировки зимников верхнеленских бурят и сбор экспонатов.

Население Качугского района в настоящий момент насчитывает 14 400 человек. Здесь проживают русские, буряты, эвенки, есть украинцы, белорусы, татары и др. Коренным населением являются эвенки и буряты. На землях в верховьях Лены исконно проживали эхиритские роды: абазай, бура, баяндай, хамнагадай, хадалай, нохой, ныкылей, басай, хэнгэлдэр, шоно, хонхо, борсой, оторши, тогто, булюй, бахай, бохолдой.

В ходе экспедиции были обследованы бурятские деревни Загулан, Кузнецы, Большой Улун, Малые Голы.

Деревня Загулан находится в 40 км от районного центра, пос. Качуг. Ее основное население составляли буряты. В настоящий момент постоянных жителей в ней нет, многие переехали в близлежащие села, в районный центр, «в город» (Улан-Удэ), но деревню заброшенной считать нельзя, так как несколько семей на теплый период года приезжают в свои родовые дома и ведут хозяйство.

Тип застройки деревни — гнездовой, что характерно для бурятских улусов. Много усадеб исчезло, у сохранившихся усадеб часто отсутствуют хозяйственные постройки, вторые дома. Об их бывшем присутствии можно догадываться лишь по сохранившимся бревнам окладов. Границы утугов изменены новыми хозяевами, которые здесь только заготавливают сено.

В момент обследования было выявлено пять усадеб братьев Алхуновых, построенных в конце XIX в., стоящих особняком и представляющих собой родовое гнездо. Из пяти усадеб наиболее полно сохранилась одна. Усадьба делится на чистый и хозяйственный дворы. Чистый двор представлен следующими по-



Деревня Загулан, усадьба Алхуновых

стройками: дом, рубленный «в обло», под четырехскатной крышей, с пристроенными сенями, выстроен в юго-восточной части усадьбы; напротив дома на расстоянии 14 м выстроен амбар, к которому прирублен второй, за ним — завозня, все три постройки находятся под одной двухскатной крышей; на северной стороне усадьбы поставлена юрта; между юртой и завозней устроен навес для хранения хозяйственного инвентаря.

Юрта четырехстенная, сложена «в лапу». Вход в юрту обращен на юг, перед входом пристроено крылечко под двухскатным навесом, слева от двери прорублено окно. Внутри юрты в центре находится очаг, пол, кроме места для очага, деревянный, возле стены, что напротив входа, по углам есть настилы — нары для отдыха. Настилы расположены на полу и отделены от остальной части юрты брусом, лежащим также на полу. Эти два места для отдыха отгораживались занавесками, для чего на высоте 1,3 м устроены перекладки для их крепления.

В юрте (тоже четырехстенной), увиденной в деревне Малые Голы и принадлежащей семье Ивановых, место для отдыха было устроено также за очагом, но располагалось по центру стены и было отгорожено невысокой заборкой (примерно 1,5 м) по бокам и закрывалось занавеской с лицевой стороны.

Хозяйственный двор в усадьбе Алхуновых расположен в восточной части за главным домом и представлен развалившимися стайкой и навесом для скота. Утug, скорее всего, располагался за хозяйственным двором.

Другой сохранившейся усадьбой в деревне Загулан является усадьба Бураевых. В ней вызывают интерес две постройки, используемые в последнее время как стайки. Со слов хозяйки, А.К. Бураевой, это дома деда ее мужа. Первый дом, видимо, относится к середине XIX в. и представляет собой небольшой сруб, рубленный «в обло», под двухскатной крышей. Дом отапливался



Деревня Загулан, усадьба Бураевых, «дом-юрта»

по-черному, о чем свидетельствует сохранившееся волоковое окно. Кроме волокового, есть два обычных окна, выходящих на юго-восток и юго-запад. Думается, что этот дом можно отнести к числу первых домов, появившихся у верхнеленских бурят по типу русских изб. Второй дом был выстроен позднее, он несколько больше первого и с четырьмя окошками.

В настоящий момент усадьба Бураевых состоит из двух домов, юрты, бани, полуразрушенного амбара, навеса и построек, описанных выше.

Первый дом и юрта были построены в 1926 г. Юрта четырехстенная с дверью, выходящей на южную сторону, и с одним окном, прорубленным слева от входа. В центре юрты расположен очаг, над очагом сохранилось приспособление для подвешивания чайника и котелка над огнем. Оно представляет собой две параллельные жерди, лежащие на деревянных штырях, которые закреплены на высоте 1,9 м и соединяют мужской и женский столбы. Потолок юрты сделан из досок, конусообразно, крепится традиционно на четырех столбах, сверху покрыт корой лиственницы и дерном. Юрта и дом с сенями, построенные друг за другом, находятся под одной крышей. Крыша трехскатная, рассчитана под покрытие дома и поэтому достаточно высокая для юрты, по этой причине дымовое отверстие юрты искусственно удлинено на 50–60 см при помощи коротких брусков, сложенных в виде широкой трубы.

Перпендикулярно «дому-юрте» позднее был выстроен второй дом, сложенный «в лапу», больше и выше первого, с большими окнами, с сенями и с крыльцом. Напротив второго дома построены амбар с навесом.

Деревня Кузнецы расположена в 1,5 км от Загулана в сторону Качуга. Как и Загулан, это тоже бурятская деревня с гнездовой застройкой. Она находится на грани исчезновения, на сегодня здесь осталось только шесть обитаемых дворов, в которых живут в основном пенсионеры.

Из сохранившихся усадеб во время экспедиции были выделены две усадьбы, относящиеся к концу XIX в. и не претерпевшие изменений в планировке в последующие годы.

Усадьба Егоровых (не жилая) состоит из двух домов, стоящих друг за другом. Главный дом круглый, сложен «в лапу», под четырехскатной крышей. Второй дом поменьше, также сложен «в лапу», под двухскатной крышей. Напротив главного дома находится однокамерный амбар. На границе чистого и хозяйственного дворов, напротив ворот, выстроена четырехстенная юрта. В юрте хорошо сохранились полки для посуды. Сделаны они в женской половине в центре стены из трех широких досок (шириной 50 см, длиной 1,2 м), закреплённых горизонтально, к которым пристроены более узкие досочки (длиной 60 см), огороженные с двух сторон досками в виде шкафчика без дверок.

Слева от юрты сделан навес, справа ледник. Скотный двор, судя по оставшимся полуразрушенным хозяйственным постройкам, отсутствовал как таковой. Стайки были построены непосредственно в утуге, позднее их отгородили и выделили в скотный двор.

В другой усадьбе, хозяин которой не определен, так как в настоящее время она заброшена, постройки чистого двора размещены по кругу. Они состоят из дома, перпендикулярно которому поставлен пятистенный амбар (рядом сохранилась коновязь — «сэргэ»). Напротив амбара выстроена четырехстенная юрта с пристроенным с торца амбарчиком, в котором вырыт подвал; слева от юрты сделан навес.

Деревня Большой Улун — это небольшое бурятское поселение в 12 дворов, находящееся на открытом месте на берегу р. Малой Анги. Тип ее застройки можно определить как смешанный: двухрядная застройка, плавно изогнутая в одну линию, сочетается с гнездовой. Усадеб, дающих представление о системе застройки бурятского зимника, практически не осталось. Многие усадьбы пережили перепланировку, утратили часть построек, дополнены новыми. Юрты либо не сохранились, либо переделаны. Нами было обнаружено лишь две усадьбы, сохранившие свой первоначальный облик.



Деревня Большой Улун, усадьба Сароновой, амбар

Одна из них принадлежит Е.С. Сароновой. Все усадебные постройки сгруппированы вокруг обширного двора и «раскрыты» на него. В усадьбе два дома, построенных перпендикулярно друг другу. В настоящее время под жилье используется один дом, выстроенный позднее. Другой дом переделан в стайку. По типу постройки он очень похож на описанный выше дом деда А.К. Бураева (середина XIX в.) — это небольшой (5 x 4 м) сруб с двумя окнами и одним волоковым окном, когда-то отапливавшийся по-черному.

Напротив жилого дома построена восьмистенная юрта, вход в которую обращен на юго-восток. Юрта полуразрушена, без кровли. Пол в ней выстлан Г-образно: напротив входа, за очагом и слева от входа. В женской половине устроены полочки для посуды, еще одна полочка имеется между молочным и женским столбами.

Возле юрты построен небольшой амбар, рубленный «в обло». Своеобразно сделан вход в амбар: отсутствуют верхняя и нижняя колоды, их роль выполняют второе и седьмое бревна сруба, боковые колоды врезаны в них и имеют пазы, в которые входят бревна сруба. За амбаром выстроена завозня, за ней баня. Постройки скотного двора не сохранились, скорее всего, стайки были в утуге, отгороженном за чистым двором.

Другая усадьба (зброшенная) состоит из пятистенного



Деревня Большой Улун, юрта

дома, однокамерного амбара, построенного параллельно дому, и сделанного за ним навеса. Напротив ворот — шестистенная юрта, рубленая из круглого бревна «в обло». Сильно разрушенная кровля юрты держится на четырех столбах; покрытие традиционное, трехслойное: потолок, кора лиственницы, дерн. Колоды двери сделаны так же, как и у амбара в усадьбе Е.С. Сароновой. За юртой построено зимовье, которое использовалось как курятник.

Результаты экспедиции позволили сделать определенные выводы. Бурятских зимников в Качугском районе, сохранившихся в первозданном виде, практически не осталось. Большинство хозяйств зажиточных бурят были ликвидированы во время коллективизации, разобраны, перевезены и перестроены в последующие годы. Сохранились в основном усадьбы бурят среднего и ниже среднего достатка. У верхнененских бурят был распространено два типа усадеб: усадьбы, состоящие из чистого и скотного дворов, и усадьбы, где скотный двор отсутствовал, а стойки были размещены в утуге. В состав построек чистого двора обязательно входили два дома и юрта, в более ранние времена — восьмистенная или шестистенная, а в начале XX в. чаще всего четырехстенная. Постройки группировали вокруг двора или ставили симметрично друг другу. Юрты обычно ставили на границе чистого и скотного дворов или на границе чистого двора и утуга. Эти особенности планировки зимников верхнененских бурят стоит учесть при создании экспозиции улуса-зимника в АЭМ «Тальцы».



СТАРЕЙШИЙ В СИБИРИ: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

*Надежда Семеновна Эртюкова,
директор Якутского государственного
музея им. Ем. Ярославского*

Сегодня Якутский государственный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского — старейшее научно-исследовательское и культурно-просветительное учреждение Республики Саха (Якутия). Прошло 110 лет после того, как в погожий летний день 7 июня открылся первый музей Якутии.



*Здание гостиного двора,
где 7 июня 1891 года
открылся музей*

**Здание музея
и библиотеки
1911 года.
Архитектор
К.А. Лешевич**



**Современное здание
музея, построенное в
1926 году**



С инициативой организации музея выступил Якутский областной статистический комитет. Поводом послужил череп ископаемого бизона, который попал в комитет для последующей отправки в иркутский музей, но стал первым экспонатом создаваемого музея. Была принята «Программа по собиранию предметов для музея» и разослана по всей области. Население живо откликнулось, и со всех улусов стали поступать экспонаты для будущего музея. Среди жертвователей, по свидетельству Емельяна Ярославского, были представители самых разных слоев населения: «и врач, и купец, и священник, и русский, и якут, и епископ Мелетий, и политические ссыльные». К дню открытия музея в нем имелось до 800 экспонатов.

Музей открылся в лавке гостиного двора в старом, непригодном помещении. Первоначальная экспозиция представляла собой показ коллекций, где были выставлены все поступившие предметы.

Первыми хранителями музея были политические ссыльные, так как секретарь статистического комитета А.И. Попов последовал совету известного сибирского краеведа, основателя Минусинского музея Н.М. Мартыанова — не избегать их услуг.

В результате переполнения коллекциями музея экспозиция стала похожей на складское помещение. В отчете статистического комитета отмечалось: «Залы музея, в начале предприятия



Фрагмент экспозиции антропологического отдела. 1911 год



Музейная экспозиция в лавке гостиного двора

казавшиеся просторными, ныне становятся уже недостаточными для размещения все более возрастающего числа поступлений, препятствуя, таким образом, правильной классификации их и совершенно не оставляя места для занятий лабораторных и препарирования чучел».

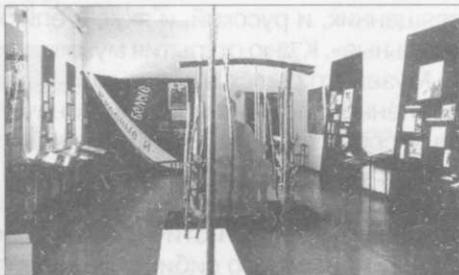
Все это взволновало общественность, и встал воп-



Фрагмент урасы — берестяного летнего жилища якутов

лей, концертов, лекций, а также от частных пожертвований. Строительство началось 6 мая 1909 г. и завершилось осенью 1911 г.

В июне 1911 г. статистический комитет передал музей Якутскому отделу общества изучения Сибири и улучшения ее быта, который пригласил на должность хранителя политссыльного А.К. Кузнецова, имевшего опыт работы в музеях Читы и Нерчинска. Это имело для музея благоприятные последствия — был принят «Проект про-



Фрагмент выставки «Красные и белые»

граммы Якутского областного музея», положивший начало научной деятельности музея. Устроена экспозиция, состоявшая из семи отделов: естественно-исторического, антропологического, археологического, промышленного, кустарно-промышленного, сельскохозяйственного, отдела предметов не местных и сопредельных стран.

5 октября 1911 г. при большом стечении народа состоялось торжественное открытие музея и библиотеки. После открытия музея увеличилось поступление экспонатов, численность которых только за три месяца удвоилась.

К сожалению, с отъездом А.К. Кузнецова из Якутии дела музейные пришли в упадок. Именно в таком состоянии в мае 1915 г. его принял еще один политссыльный, Ем. Ярославский. Новый хранитель прежде всего взялся за составление каталогов всех коллекций музея, число которых в зарегистрированном и систематизированном виде составило 18 951 экспонат. В заключении он отме-

чал: «Выносишь отрадное убеждение, что перед нами уже не хаотическое нагромождение случайно собранного материала, а формирующееся научное учреждение с научно обработанными отделами, глубоко поучительными для всякого».

Следующий важный период в истории Якутского музея наступил в середине 20-х гг. Осенью 1925 г. правитель



Фрагмент экспозиции, посвященной 55-летию Победы

тельство ЯАССР приняло решение о достройке для музея бывшего архиерейского дома, строительство которого началось еще в 1913 г. Решение это было связано с новыми перспективами, открывшимися перед музеем с началом деятельности Комиссии по изучению ЯАССР (КЯР), созданной Постановлением СНК СССР от 7 апреля 1925 г. и принявшей на себя работу по укреплению его научной базы. Комиссия организовала экспедицию, которая состояла из 10 комплексных и специализированных отрядов. По свидетельству ученого секретаря комиссии П.В. Виттенбурга, уже в полевых работах 1925 г. отряды экспедиции начали сбор материалов для музея, считая, что его коллекции не выявляют всех многообразных особенностей края и нуждаются в пополнении. Лишь один подотряд этнографического отряда, возглавляемый В.Н. Васильевым, передал музею 600 экспонатов. Комиссия не только пополняла фонды музея своими сборами, но и подключила к этому Зоологический и Исторический музеи, Ботанический сад и Третьяковскую галерею, а также помогла укомплектовать музей квалифицированными кадрами.

Благодаря помощи комиссии улучшилась собирательская деятельность музея, чего нельзя было сказать об экспозиционной.

В 1930-х гг. шел активный поиск идеи создания экспозиции нового типа. В это время музей получил типовую структуру краеведческих музеев, подготовленную Научно-исследовательским институтом краеведения и музейной работы, — документ, приведший к единой обязательной схеме с тремя отделами: природы, истории и социалистического строительства.

В течение века музей с честью выполняет свои хранительские, научно-исследовательские, коммуникационные функции. Хочется, чтобы люди больше узнали об истории этого замечательного учреждения, о тех ревнителях музейного дела, благодаря которым он живет и развивается.



МУЗЕЙ БУДУЩЕГО: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МОДЕЛИ

*Тарас Пантелеймонович Поляков,
кандидат исторических наук, доцент,
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва*



Длительная диктатура иллюстративно-дидактических экспозиций, где господствовала политическая или наукообразная мифология с «истиной в последней инстанции», привела к тому, что в последнее десятилетие появились поллярные, противоречащие друг другу модели музея будущего.

Музейщики-ученые представляют музей будущего прежде всего как научный центр, экспозиция которого строится по научным принципам и на основе коллекционного или коллекционно-тематического методов. Почему? Вероятно, в ответ на то, что группа «Новая хронология», используя методику точных наук, забила очередной гвоздь в гроб отечественной исторической науки. Причем значение деятельности Фоменко и Носовского состоит, на наш взгляд, не столько в том, что они обнажили мифологическую сущность исторической науки прошлого, сколько в том, что, предложив свою собственную концепцию, эти «могильщики» доказали полную беспомощность и бесперспективность любого исторического наукообразования.

В этой ситуации у бывших советских ученых есть три нормальных выхода: либо застрелиться, либо уйти в фактографию, ограничиваясь вспомогательными историческими дисциплинами и избегая, по возможности, любой идеологической интерпретации, либо... заняться творчеством, отказавшись от «научных» догм, вбиваемых в головы еще со студенческой скамьи. Сотрудники музеев, как правило, уходят в исторические источники, в вещи, в коллекции...

Например, автор когда-то известной («революционной» для начала 60-х гг.) книги «Рождение музея» А.З. Крейн представляет идеальный музей Пушкина (в Москве, на Кропоткинской) как систему открытых *фондовых коллекций*: в первом зале — прижизненные портреты Пушкина и его окружения, во втором — мебель и предметы декоративно-прикладного искусства,

характеризующие пушкинский быт, в третьем — прижизненные издания поэта и уникальные книги его времени, в четвертом — рукописи Пушкина и т.д.

Ну, с живописью, допустим, все ясно (давят традиции художественных музеев), с мебелью — почти все ясно, хотя посетитель историко-литературного музея хотел бы видеть не столько модель быта, сколько Бытия той или иной эпохи. Проблемы возникают с книгами — их ведь принято читать, по крайней мере, листать. Ну, а куча рукописей? Их надо изучать, а посетитель лишен этой возможности в условиях экспозиции. Для этого имеются иные структурные подразделения музея — фондовые хранилища, читальные залы и иные специально отведенные для ученых-профессионалов помещения.

А теперь представим, что и книги, и рукописи, а также предметы бытового и декоративно-прикладного характера перестали восприниматься как привычные исторические источники, а трансформировались в *предметно-поэтические символы*, способные выстраиваться в специфические экспозиционно-художественные тексты. В этом случае мир вещей подключается к сфере духовного и человеческого в качестве особого поэтического языка. Вещь обретает дар говорить о том, что выше ее, о тайнах Бытия... Но это уже иной принцип, иной метод проектирования. К нему мы еще вернемся.

Другая крайность — отказ от наукообразных традиций, от мертвечины разлагающихся вещей и уход в так называемую виртуальную реальность — т. е. создание экспозиций с помощью *компьютерной техники*. Эта модель музея будущего характеризует высший уровень применения технических, точнее — электронных средств. Музейного предмета здесь нет, а следовательно, называть подобные произведения музеем можно только в метафорическом смысле. Успокоим коллег: автор статьи не идиот, т. е. не является противником электронных средств информации, однако считает, что применение компьютера в музее не должно превышать вспомогательного значения усовершенствованной картотеки, путеводителя, карандаша, бумаги и т.п. Говорить о том, что музей Будущего — это музей, наполненный компьютерами, так же глупо, как и отрицать необходимость «новых технологий» в решении «старых» музейных проблем.

Еще одна модель музея будущего связана с трагедией наших «бывших» суперидеологических музеев. Речь идет о так называемых *культурно-исторических центрах*, заменивших традиционные советские клубы или «культкомбинаты» (по терминологии 30-х гг.).

В Москве, например, бывший музей Н. Островского ликвидировал комсомольскую экспозицию и назвал себя Центром «Пре-

одоление». То есть оставил мемориальную часть музея в качестве стержня для выставок на тему «милосердия», а основную часть экспозиционной площади предоставил для «Музея восковых фигур» — серенького повторения музея мадам Тюссо. Комментарии здесь излишни...

В несостоявшемся музее Ленина в г. Красноярске пошли иным путем. Музей практически не имел коллекции (т. е. музея как такового просто не было), зато имел огромные экспозиционные площади. Их отвели под так называемые «биеннале» (ну любят у нас иностранные слова!) — периодические конкурсы музейных проектов или экспозиций, привезенных из других музеев. Дело это хорошее, развивающее традиции экспериментальной студии Союза художников, но к музею оно, как видим, имеет лишь косвенное отношение. Потому, когда провинциальная европейская организация — Европейский музейный форум («конкурент» ИКОМ /Международный совет музеев/) — награждает постсоветский культуркомбинат титулом «лучший европейский музей», то здесь столько же иронии, сколько, допустим, в решении наградить Кремлевский Дворец Съездов каким-нибудь оперным титулом только потому, что там периодически выступает труппа Большого театра. Там, где нет своей музейной коллекции, нет и музейной экспозиции, а значит — нет и музея.

Итак, мы не видим перспектив ни в музее — храме науки (хотя ценим традиционные коллекционные музеи — Третьяковку, Эрмитаж и т.п.), ни в «виртуальном» музее (хотя уважаем компьютерный инструмент), ни в музееобразных культуркомбинатах (хотя благосклонно относимся к живому общению посетителей). Все это вспомогательные модели музейной коммуникации. Какова же идеальная, на наш взгляд, экспозиция музея будущего? Ее не нужно выдумывать, ее нужно «выращивать», опираясь на специфические особенности музейного языка.

Если мы признаем, что такой язык существует, что его основным структурным элементом является музейный предмет, то напрашивается следующее сравнение: существуют толковые словари (например, словарь В. Даля) и существуют коллекционные экспозиции; существуют научно-популярные монографии и существуют иллюстративно-тематические экспозиции; наконец, существует художественная литература и, несомненно, имеют право на существование произведения экспозиционного искусства самых разных жанров.

Музейный предмет, как и слово, при всей своей специфичности, несет в себе потенциальное образное начало. Более того, музейный предмет уже есть овеществленный образ определенной идеи.

Традиционная иллюстративно-тематическая экспозиция строится на основе простейших образов, обычно называемых «тематико-экспозиционными комплексами». Однако этот текст создается не на плоскости, не на бумаге, а в трехмерном пространстве, провоцирующем иные, более сложные законы построения объемных текстов.

Понимая это, т. е. понимая, что существуют эстетические законы освоения пространства, мы приглашаем в музей художника — специалиста в области пространственного искусства. Но в то же время сохраняем отношение к музейной экспозиции как к научно-образному тексту. В результате научно-иллюстративные идеи немедленно вступают в противоречие с художественными идеями, неизбежно появляющимися в процессе работы художника.

Как решить это противоречие? Напомним, что мы не видим перспектив для наукообразных, линейных музейных текстов. Что же касается текстов объемных, художественных, т.е. строящихся по законам построения произведения искусства в трехмерном пространстве и сохраняющих музейную специфику, то эта тема может стать главной в определении перспектив «музея будущего».

Художественная образность есть высшая стадия образности, поскольку произведение искусства — это организм, где нет ничего случайного и механически служебного. Он прекрасен благодаря совершенному единству и осмысленности своих частей. В эмоциональной форме он воплощает эстетически обобщенную авторскую мысль, отражающую концепцию мира и человека, — т. е. обладает художественной идеей.

У наших оппонентов есть один ошибочный тезис, касающийся истоков художественного проектирования в музее. Считается, что все беды идут в Россию с Запада. Дескать, тамошние постмодернисты соблазняют наших недоумков от науки, стремящихся убежать от «объективной истины» в дебри субъективных художественных ассоциаций и парадоксов.

Милые дамы и господа. Во-первых, Россия, в частности советская, славилась своим собственным «постмодерном», по сравнению с которым западный вариант сего новомодного течения человеческой мысли покажется местечковой самодеятельностью. Давайте вспомним, как 20 лет назад наши коллеги из музея Рублева были вынуждены в своих стенах заниматься «атеистической пропагандой», а экспозиционеры музея «Бородинская панорама» — выставлять известную трилогию Л.И. Брежнева... Десяток подобных примеров — и мы придем к выводу, что Россия действительно родина слонов...

Во-вторых (и это уже серьезно), нашими предшественниками

являются отечественные мыслители *конца XIX в.* (!). Один из них, Александр Потебня, исследуя склонность поэтической образности к «сгущению мысли», убедительно показал, что *художественный текст* (т.е. искусство вообще) гораздо информативней бытового или научного.

Другой наш учитель, известный русский философ Константин Леонтьев, считал, что *законы эстетики являются наиболее общими, универсальными, всеобъемлющими* (религиозные законы существуют для «единоверцев», этические и политические — для «человека», биологические — для «органического мира», а физические, химические и механические хоть и всеобщие, но не «удивительны», как эстетические, поскольку не приходят в столкновение с законами морали; в то же время эстетика с моралью обречена вступать в антагонизм и борьбу; вспомним, например, «Отелло»: на сцене происходит убийство, а мы, вместо того чтобы бежать в милицию, сидим и наслаждаемся, так сказать, испытываем катарсис).

Отсюда можно сделать гипотетический вывод, что *сама жизнь есть произведение искусства, созданное Высшим разумом (Богом, Природой и т.п.)*. А мы привыкли противопоставлять Жизнь и Искусство только потому, что сами являемся всего лишь структурными элементами, «героями» этого великого произведения. Вероятно, и Онегин и Пьер Безухов крайне удивились бы и ринулись в дискуссию с человеком, назвавшим их литературными героями (или традиционными «образами»).

Художник подражает Богу (Природе), становясь эстетическим демиургом. Его творческая интуиция не идет вразрез с разумом, реальностью и знанием, а открывает внутренние, неподвластные науке (позитивизму, опыту) связи между явлениями. И чем неожиданней в своем эстетическом совершенстве выступают эти связи, тем выше художественный уровень создаваемого произведения. Вот, на наш взгляд, *стратегический путь* для музея будущего.

А теперь — о *тактике*, точнее, о средствах создания экспозиционно-художественного образа, о драматическом сюжете и многом другом.

Если музейные предметы, переходящие в стадию поэтических (художественных) символов, являются основными элементами музейного языка, то необходимо определить и вспомогательные средства, точнее определить их специфику и границы.

Вспомогательными традиционно считаются архивно-художественные средства, а в нашем понимании — *средства функционально-декоративного оформления* (основной принцип «функ-

циональности» — каждый гвоздь, забитый в пространстве музейной экспозиции, несет в себе смысловую нагрузку).

Самое простейшее средство — комбинация из предметов в духе *символического натюрморта*. В отличие от традиционного «тематико-экспозиционного комплекса» — здесь все значимо: количество предметов, их расположение, расстояние между ними, цветовой и форматный контраст и многое, многое другое.

Но это средство не единственное. В экспозиции были и есть витрины, световые и иные технические установки. В музее будущего все эти вспомогательные элементы становятся значимыми художественными средствами, превращаясь в метафорические конструкции. Цель — помочь уникальному, но бессловесному и неподвижному предмету (а уникальный предмет — потенциально гениальный актер!) обрести «голос» и «жест».

В то же время — это не художественная инсталляция (хотя есть много общего): музейный предмет, обладающий сакральным иммунитетом, не подвергается физическому воздействию, нарушающему его структуру, — т. е. его нельзя «прибить», «приварить», «покрасить», «распилить» и т.п. Условные границы между «предметом» и «витриной» всегда остаются.

Говоря о трехмерности экспозиционно-художественных образов, мы не забываем и об особенностях экспозиционного пространства (например, крупных музеев краеведческой ориентации), которое провоцирует переход в четвертое измерение — время (в течение которого осваивается экспозиция).

Важнейшее средство его освоения — *драматический сюжет*, — т. е. последовательность действия в произведении, художественно организованная через пространственно-временные отношения и организующая систему экспозиционно-художественных образов.

Да, да. В музее будущего мы отвергаем традиционный «тематико-хронологический» принцип и заменяем его *сюжетной коллизией* (конфликтом, интригой — уровень коллизии зависит от темы и проблемы).

Что даст музею будущего подобная замена? Многое.

Прежде всего — решает до сих пор не решенную проблему, связанную с *экологическим мировоззрением и экологическим миросозерцанием*. Речь идет о традиционном делении краеведческой экспозиции на разделы «Природа» и «История». Мы можем много говорить об экологическом сознании, но в подобной ситуации теория противоречит непосредственно увиденному и прочувствованному. В музее будущего предполагается дать целостную *картину мира* (или модель мира), связанную с жизнью того или иного региона, где как в капле воды

(извините за банальность) отражается бытие страны, Земли, космоса...

Таким образом экологическая теория трансформируется в художественную идею, становится эстетическим объектом. Каждый музей творит свой «объект», т. е. выращивает свой, уникальный сюжет.

Из практики:

В проекте экспозиции Калининградского историко-художественного музея — кульминационное столкновение «прусской языческой культуры» и «христианского суперэтнуса» (в военно-рыцарской форме) решалось с помощью «природных экспонатов», превращавшихся в поэтические символы языческой культуры.

В проекте музея истории и культуры Среднего Прикамья (г. Сарапул) создавался замкнутый «хоровод» национальных культур, где фольклорно-мифологические мотивы (а следовательно, и «природные экспонаты») плавно переходили из одной культуры в другую, внося философско-поэтическое разнообразие в национальную картину мира.

В Ханты-Мансийском музее предполагалось создать выставочную экспозицию «Семь дней в Святом городе», строящуюся на сюжетной коллизии, связанной с диалогом Хозяина и Гостя на «Медвежьем празднике», растянувшимся на многие столетия... В основе экспозиционного диалога — все те же природные и исторические памятники.

Помимо решения проблемы экологического воспитания экспозиционный сюжет способен *персонифицировать* конкретный историко-культурный процесс. Сюжетная коллизия не случайно происходит в музее. Она потенциально заложена в музейном предмете. Недаром пояснительная записка о передаваемом в музей предмете называется «легендой». Любая музейная вещь так или иначе связана с определенным событием в жизни ее создателя или владельца. Можно отразить эту жизнь в романе (в театре, в живописи...) и можно представить ее в драматическом сюжете музейной экспозиции.

Наконец, экспозиционный сюжет способен органично связать традиционную «экспозиционную» и традиционную «не экспозиционную» зоны музея в одно многоплановое, сложное произведение экспозиционного искусства.

Ведь, как показала практика, любая экспозиционно-художественная «картина мира» (о ее жанровых возможностях и формах см. книгу «Как делать музей?») останется холодным произведением искусства, если мы не сможем насытить его жизнью, если мы противопоставим «экспозицию» и «не экспозицию» — фойе, гардероб, буфет, концертный или лекционный зал и подоб-

ные зоны массового посещения, т. е. речь идет о реальном музее Будущего — живом музее.

Стратегическая задача музейного проектирования — совместить экспозиционно-художественные модели нашей жизни с ее социально-бытовыми реалиями: магазинами, банками, салонами, юридическими, строительными и прочими офисами, врачебными кабинетами, клубами, ресторанами, гостиницами... (в проекте московского музея М. Булгакова присутствовала даже баня).

Культурологической основой подобного объединения является тот факт, что «храм» и «форум» как в Европе, так и в России всегда составляет единое жизненное пространство. Отсутствие же этого единства в наших «вчерашних» (да и «сегодняшних») музеях в пародийной форме отметил когда-то автор известной шутки «В греческом зале...».

Существует идеальный вариант «живого музея» — экомузей. В музеях же традиционных, находящихся под мемориальной или иной «крышей», подобную проблему решить гораздо сложнее.

Каждый музей, если он хочет называться «музеем будущего», так или иначе столкнется с этой проблемой. Единых рецептов здесь нет: интеллектуальный и эстетический уровень «живых» форм во многом обусловлен спецификой региона, характером темы и особенностями музейной коллекции. Впрочем, не будем заниматься наукообразием и приведем конкретный пример идеального, на наш взгляд, объединения «высокого» и «низкого».

Речь идет об *Иммануиле Канте*, точнее, о судьбе его домика в *Кенигсберге*. Известно, что в жизни кенигсбергского гения огромное значение имели ежедневные обеды — своего рода ритуальные трапезы, позволявшие философу переключаться с «трансцендентных» проблем на реальные проблемы окружающей жизни. Число приглашенных на эти трехчасовые трапезы, как правило, ограничивалось символической цифрой «6» (в доме Канта было именно столько приборов). Как утверждали современники, за этими ритуальными обедами Кант раскрывался полностью, блистал умом и остроумием, считая застольную беседу высшим искусством.

После смерти философа (1804 г.) дом был приобретен предприимчивым купцом, который устроил в нем... *трактир*. В течение ряда лет каждый год 22 апреля (в день рождения Канта) здесь собирались его друзья и коллеги. Это был действительно «живой» мемориальный музей (в доме сохранялась кантовская мебель). К сожалению, первая половина XIX в. не отличалась музейным бумом. Идея «музея-трактира» умерла с последними друзьями философа...

Эта идея вновь возродилась накануне XXI в.: в бывшей Вос-

точной Пруссии (ныне — Калининградская область), земля которой перенасыщена историей, планируется организовать *систему «живых музеев»*, объединяющих предметно-художественную среду и реальные социально-бытовые объекты — магазины, рестораны, кафе, гостиницы...

Таким образом, «живой музей» — это синтез духовного и плотского, храма и форума. Единственное условие — обязательное сохранение (физическое и духовное) уникальных памятников истории и культуры, отказ от разбазаривания в прямом и переносном смысле слова.

Подобная модель музея будущего позволит, например, в рамках краеведческого музея (музейного комплекса) объединить в целостном, оригинальном сюжете экспозиционные зоны разного уровня — от «чистых», сакральных сюжетных фрагментов (хотя в любой сакральной зоне реализуются свои формы жизни) до казалось бы не экспозиционных, вспомогательных помещений (фойе, гардероб, лекционный или концертный зал и т. п.), доступных для посетителя.

Причем каждая сюжетно-экспозиционная зона может обладать тем или иным уровнем доступности (не нужно бояться слова «элитарный»). Тем самым «произведение экспозиционного искусства» становится многослойным, имеет свою тайну (или тайны) и рассчитано на неоднократное и все более и более глубокое прочтение.

Итак — наш вывод. Сегодня, в силу сложившихся обстоятельств, для российских региональных музеев, не равнодушных к своему Будущему, есть *два* соблазнительных ориентира. Первый — культкомбинат, в духе Красноярского «Центра». Второй — «живой музей», точнее — *экспозиция*, строящаяся на базе музейной коллекции, обладающая всеми качествами *произведения искусства* (например, в эпической форме) и способная стать зоной *открытого общения* посетителей на разных уровнях и в разных формах.

Словом, есть над чем задуматься...

ЛИТЕРАТУРА

Мазный Н.В., Поляков Т.П., Шулепова Э.А. Музейная выставка: история, проблемы, перспективы. — М., 1997.

Поляков Т.П. Как делать музей? (о методах проектирования музейной экспозиции). — М., 1995.

Поляков Т.П. В поисках живого музея // Музей и новые технологии. — М., 1999.

**МИНИСТР КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

24.03.2000 г.

№ 01-52/16-14

Москва

*Об актуальных проблемах
сохранения Музейного фонда
Российской Федерации*

В соответствии с Федеральным законом «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Положением о Музейном фонде Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1998 г. № 179 проблема сохранения музейных предметов и музейных коллекций относится к числу приоритетных направлений в деятельности Министерства культуры Российской Федерации, органов исполнительной власти Российской Федерации в сфере культуры, всех музеев страны.

В целях усиления контроля за сохранностью Музейного фонда Министерством культуры Российской Федерации подготовлены рекомендации, изложенные в прилагаемой аналитической справке «Об актуальных проблемах сохранения Музейного фонда Российской Федерации».

Просим довести материал до сведения всех музеев, находящихся на территории субъекта Российской Федерации, структурных подразделений музеев федерального ведения и принять меры к безусловному исполнению указанных рекомендаций.

Министр



М.Е. Швыдкой

ОБ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОХРАНЕНИЯ МУЗЕЙНОГО ФОНДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В соответствии с Федеральным законом «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Положением о Музейном фонде Российской Федерации, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 12 февраля 1998 г. № 179, **проблема сохранения музейных предметов и музейных коллекций относится к числу приоритетных направлений в деятельности Министерства культуры Российской Федерации, органов управления культуры субъектов федерации, всех музеев страны вне зависимости от подчиненности.**

В целях усиления контроля за сохранностью Музейного фонда, упорядочения учетной документации и получения реальной информации о наличии музейных предметов и музейных коллекций Министерство культуры Российской Федерации с 1997 г. проводит в общероссийском масштабе **проверку наличия музейных предметов и музейных коллекций с учетной документацией музеев.**

В связи с этим разработаны и направлены на места нормативно-методические указания: «О порядке представления информации по результатам сверок наличия музейных коллекций с учетной документацией» № 01-128/16-25 от 10.07.97 г., «О порядке оформления и представления перспективного плана-графика сверок наличия музейных коллекций с учетной документацией» № 01-205/16-25 от 13.11.97 г., «О внесении дополнений и уточнений в порядок оформления и представления документов по итогам сверок музейных коллекций с учетной документацией» № 01-109/16-25 от 02.06.98 г., «Дополнительная информация о порядке рассмотрения итогов сверок музейных коллекций и вопросов текущего списания» № 01-50/16-25 от 09.03.99 г.

В отличие от практики предыдущих проверок установлено, что в Министерство культуры Российской Федерации представляются итоговые акты проверки наличия не по всему фонду музея, а по отдельным музейным коллекциям. Исключение допускается для музеев с небольшим собранием (1-3 тысячи предметов),

когда целесообразно провести единовременную сверку наличия всего фонда.

Итоги проверки наличия музейных коллекций рассматриваются фондово-закупочными комиссиями музеев. Музеи ведения субъектов федерации, в том числе и муниципальные музеи, находящиеся на территории соответствующего субъекта федерации, в обязательном порядке должны представлять итоговые акты сверки наличия музейных коллекций на рассмотрение коллегии или специальной комиссии органа культуры субъекта федерации, который со своим постановлением (решением) представляет их на утверждение в Министерство культуры Российской Федерации.

Приказ Министерства культуры Российской Федерации является официальным документом, подтверждающим наличие, недостачу, списания, исключения из состава музейного фонда, перевод из основного фонда в научно-вспомогательный, изменения в описаниях музейных предметов и т. д., фиксацию состояния учетной документации.

В настоящее время на рассмотрение в Министерство культуры Российской Федерации поступили итоговые акты проверки наличия музейных коллекций от 60 территорий и ряда федеральных музеев. Нарастающий объем материалов требует совершенствования методики их обработки. В связи с этим ведется подготовительная работа по созданию программы «Проверка наличия музейных коллекций», которая рассматривается как определенный этап к созданию Государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации.

Анализ материалов по сверке наличия, поступивших в Министерство культуры Российской Федерации в 1997–1999 гг., свидетельствует, что органы культуры субъектов федерации уделяют этой важной акции самое серьезное внимание. Так, коллегия Комитета по культуре администрации Псковской области 15.02.99 г. рассмотрела итоги сверки наличия коллекций «Археология» и «Живопись» Псковского государственного музея-заповедника и обратила внимание на необходимость выработки критериев отбора археологических находок в музейный фонд, увеличения штата реставраторов археологических материалов, приоритетного оснащения учетно-фондовых отделов современной компьютерной техникой.

Коллегия Министерства культуры Ростовской области по результатам обсуждения итогов сверки наличия коллекций музеев области вынесла решение о совершенствовании структуры и

штатного расписания музеев, укреплении секторов учета, создании групп контроля за осуществлением систематических проверок наличия, состояния учета и хранения музейных фондов, проведении фото- и видеofиксации музейных предметов, паспортизации особо ценных предметов

Под постоянным контролем Комитета по культуре и искусству администрации Ивановской области проходит сверка наличия в музеях Ивановской области.

В то же время в ряде территорий к проверке наличия музейных коллекций подходят формально. Материалы по сверке представляются в Минкультуры России с нарушениями установленных правил, без серьезного анализа и обработки, в результате чего Министерство вынуждено возвращать их на доработку (Комитет по культуре правительства Курской области, Управление культуры Белгородской области, Комитет по культуре и искусству администрации Курганской области, Департамент культуры администрации Краснодарского края, Министерство культуры Республики Калмыкия и др.).

С конца 1990-х гг. начата разработка системы государственного каталога Музейного фонда Российской Федерации, которая будет использоваться не только в качестве федеральной базы данных, предусмотренной законом, но и для внутримузейных нужд учета, информатизации научной и выставочной деятельности музеев, а также предполагает программный перенос уже введенных в автоматизированные системы данных о музейных предметах и коллекциях.

До начала функционирования государственного каталога Музейного фонда в полном объеме Минкультуры России осуществляет регистрацию такого вида сделок с музейными предметами, как выдача во временное пользование для экспонирования на зарубежных выставках, а также **Регистр культурных ценностей, находящихся в розыске и запрещенных к вывозу из Российской Федерации.**

До сведения федеральных музеев и органов управления культуры субъектов федерации доведен порядок оформления передач предметов культурного характера из фондов государственных музеев религиозным организациям (письмо от 09.12.98 г. № 01-251/16-25).

Действенной формой контроля за сохранностью Музейного фонда, состоянием и организацией надлежащего учета и хранения музейных ценностей, безопасности музейных объектов в целом являются **систематические (плановые и оперативные)**

проверки, осуществляемые как Министерством культуры Российской Федерации, так и органами управления культуры субъектов федерации.

В соответствии с межведомственной Программой мер по обеспечению сохранности, усилению борьбы с хищениями и незаконным оборотом предметов культурного и исторического наследия народов России на 1999–2001 гг., утвержденной МВД России, Минкультуры России, Государственным Таможенным комитетом России и Федеральной архивной службой России, в проверках музеев принимают участие представители данных ведомств.

В соответствии с планом на 1992–2003 гг. Министерство культуры Российской Федерации осуществляет проверку учетно-хранительской деятельности и состояние безопасности музеев федерального ведения.

Задачей органов культуры субъектов федерации является организация такого рода проверок музеев, находящихся на их территории.

С начала 1990-х гг. Министерство культуры Российской Федерации начало целенаправленную работу по усилению охраны и защиты культурных ценностей в рамках раздела «Безопасность музейных и библиотечных фондов», являющегося составной частью федеральной подпрограммы «Развитие культуры и сохранение культурного наследия России».

В течение 1994–1995 гг. на реализацию программы «Безопасность музейных и библиотечных фондов» из средств федерального бюджета было выделено около 6 миллиардов неденоминированных рублей. Это позволило начать работы по модернизации систем охранно-пожарной сигнализации, механическому укреплению музейных объектов.

Комплекс проблем, связанных с охраной культурных ценностей, рассматривался совместной коллегией МВД и Минкультуры России (1994 г.) и коллегией Министерства культуры Российской Федерации (1996 г.). Коллегией была **признана целесообразность формирования охраны и защиты объектов культуры и хранящихся в них ценностей в профессиональное направление музейной деятельности.** В структуре крупнейших музеев федерального ведения, в ряде ведущих музеев субъектов федерации были созданы собственные службы безопасности, осуществляющие организацию безопасности объектов в тесном взаимодействии с органами вневедомственной охраны МВД России.

В соответствии с решениями совместной коллегии Министерством культуры Российской Федерации, ГУВО при МВД России были разработаны «Инструкция о пропускном режиме на объектах, хранящих культурные ценности» (14.02.95 г. № 01–30/16–25), «Инструкция по организации охраны объектов, хранящих культурные ценности, подразделений вневедомственной охраны при органах внутренних дел Российской Федерации» (утверждена приказом № 315/255/38 от 25 мая 1998 г.).

В период 1995–1999 г. на места направлен ряд нормативных документов Минкультуры России: «О направлении рекомендаций к разработке положений о службе безопасности музеев и библиотек» (16.02.95 г. № 01–32/16–25), «Об оборудовании учреждений культуры системами безопасности» (25.04.96 г. № 01–103/16–25), «Об усилении охраны и защиты объектов культуры от возможных террористических и диверсионных актов» (05.02.96 г. № 01–25/16–25), «О предоставлении информации о культурных ценностях в случае хищения из музеев и библиотек» (27.03.98 г. № 01–73/16–30), «Об особом внимании к противопожарной защите музеев и библиотек» (05.06.98 г. № 01–115/16–25), «О порядке организации и направлении выставок за рубеж» (24.08.98 г. № 01–172/16–25).

Анализ материалов, полученных в ходе проверок и обследований музеев, свидетельствует, что организация учета и хранения культурных ценностей в целом соответствует действующим нормативным требованиям. В музеях достаточно активно идет компьютеризация учетных процессов, принимаются меры по улучшению условий хранения коллекций, усилению персональной ответственности за их целостность. В ряде ведущих музеев разрабатываются концепции комплексной системы безопасности, внедряются теле- и видеосистемы наблюдения и т.д.

Однако, несмотря на принимаемые меры, **ситуация остается достаточно критической**. Причин тому немало. Прежде всего, это недофинансирование отрасли и, как следствие, — традиционно слабая материально-техническая база музеев. Фондохранилища музеев, как правило, располагаются в старых помещениях, не соответствующих нормам хранения, часто в подвалах и полуподвалах, чердаках, где проходят инженерные коммуникации, зачастую находящиеся в аварийном состоянии, на первых этажах жилых домов, что чревато самыми негативными последствиями.

Отсутствие достаточного финансирования тормозит внедрение новых технологий обеспечения сохранности музейных пред-

метов и коллекций, проведение необходимых работ по их реставрации. При этом более половины музейного фонда нуждается в реставрации и консервации.

Большая часть музейных зданий оборудована охранными системами устаревшей модификации. Около 70% используемых приборов смонтированы в 1970–1980-е гг., выработали свой ресурс, не отвечают целому ряду требований, определяемых особенностями защищаемого объекта. Техническая укрепленность большинства музейных зданий также не отвечает требованиям нормативных документов из-за их неудовлетворительного состояния.

Одной из главных и самых серьезных по своим последствиям опасностей является угроза возникновения пожара. Так, в 1997–1998 гг. пожары произошли в 15 музеях: Государственный Исторический музей, Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая, Музей-заповедник «Томская писаница», музей рабочего И. Я. Добродеева — филиал Нижнетагильского музея-заповедника горнозаводского дела и др.

подавляющее большинство музеев нуждается в оборудовании новейшими системами пожарной сигнализации, модульного автоматического пожаротушения, а также в создании надежных систем молниезащиты.

Только к концу 1998 г. была ликвидирована задолженность федеральных музеев за охранные услуги. В ряде регионов страны эта задолженность не погашена, что фактически ставит музеи перед проблемой снятия милицейской охраны.

Опасность утраты движимых памятников истории и культуры в условиях финансовой нестабильности и чрезвычайной криминогенной ситуации реальна. Об этом свидетельствует статистика краж и хищений из музеев — 15–20 случаев ежегодно. По официально зарегистрированным в Минкультуры России данным только 1998–1999 гг., совершено 30 случаев краж музейных предметов, из них из экспозиций — 19, с выставок — 7, из фондохранилищ — 4. Утрачено всего более 1900 предметов. В результате оперативно-розыскных действий органов МВД в музеи возвращено более 300 предметов.

Среди предметов, вызывающих наибольший интерес похитителей, — ордена и медали советского периода, предметы вооружения и военного обмундирования, иконы, предметы декоративно-прикладного и изобразительного искусства, нумизматики.

Обширна география краж и хищений из музеев: Москва и Санкт-Петербург, Архангельская, Вологодская, Владимирская,

Калужская, Свердловская, Сахалинская, Тверская области, республики Удмуртия, Карелия и др.

Особую тревогу вызывает то, что криминальное вторжение в сферу культурных ценностей в последние годы приобретает дерзкие формы с использованием современного технического оснащения и оружия, тщательно подготавливается преступниками. Так, проведение служебных расследований обстоятельств краж, произошедших в Историко-культурном центре В.И. Ленина (г. Ульяновск, 1998 г.), музея Н.А. Некрасова — филиале Новгородского музея-заповедника (г. Чудово, декабрь 1999 г.), позволяет сделать вывод о том, что похитители были осведомлены о состоянии охраны этих объектов, точнее, об отсутствии таковой. На момент кражи Историко-культурный центр В.И. Ленина вообще не был оборудован охранно-пожарной сигнализацией, а милицейский пост был снят за неуплату с декабря 1997 г. Проникновение в музей Н.А. Некрасова в г. Чудово произошло в месте, не защищенном объемным извещателем.

Следует признать, что **в современных условиях низкая заработная плата работников музеев вызывает кадровые проблемы, приводит к появлению в музее случайных лиц, провоцирует криминогенные ситуации среди отдельной части сотрудников, имеющих непосредственный доступ к культурным ценностям.** Подтверждением тому стали факты хищений из коллекции «Обмундирование русской и советской армии XVIII–XX вв.» Государственного Исторического музея и коллекции нумизматики и оружия из фондов Государственного музея истории Санкт-Петербурга. По обоим фактам возбуждены уголовные дела, похищенные предметы объявлены в розыск.

Проверка обстоятельств хищения из Государственного Исторического музея показала, что они во многом были обусловлены отсутствием должного систематического контроля за работой ответственного хранителя коллекции «Обмундирование русской и советской армии», недостатками в планировании работ хранителей, когда исполнение хранительских функций уступило место научной, выставочной, просветительской работам.

Хищение уникальных предметов нумизматики и оружия из фондов Государственного музея истории Санкт-Петербурга, совершенное ответственным хранителем этих коллекций, произошло также благодаря тому, что в течение многих лет в нарушение требований действующих нормативных документов по учету и хранению музейных ценностей не производились проверки состояния учета, наличия предметов, содержащих драгоценные металлы и драгоценные камни.

Хищение 130 музейных предметов из фондохранилища Приморского государственного музея имени В.К. Арсеньева в июне 1999 г. было совершено рабочим-электриком музея в сговоре с местным рецидивистом. Благодаря оперативным мерам, принятым РОВД совместно с музеем, местными коллекционерами и антикварными магазинами, в течение 10 дней в музей удалось возвратит 114 предметов.

Практика показывает, что территориальные органы культуры не всегда своевременно информируют Минкультуры России о фактах хищений либо иных утратах культурных ценностей. Сведения об этом фиксируются в Министерстве при поступлении материалов по сверке наличия и в случае просьб о списании музейных предметов. Так, в 1999 г. были зарегистрированы пропажи, произошедшие 10 и более лет назад: 1981 г. — кража монет, столовых приборов, посуды из Объединенного музея писателей Урала, 1988 г. — кража 3 почтовых марок из Красноуфимского краеведческого музея Свердловской области, 1989 и 1993 гг. — хищения из Каменск-Уральского краеведческого музея Свердловской области (ордена и медали СССР, пистолет-пулемет Шпагина, всего 22 предмета).

Главное управление культуры и искусства администрации Челябинской области не представило информацию о краже 6 орденов и медалей из городского краеведческого музея г. Копейска (1981 г.), именных часов участника Гражданской войны М.П. Сулимова (1989 г.).

Министерством культуры и по делам национальностей Чувашской республики не сообщено о серии краж, произошедших в Алатырском краеведческом музее в 1987, 1993 и 1995 гг.

Зачастую информация о кражах поступает в Минкультуры России **без всякой попытки проанализировать ситуацию и высказать точку зрения на происшедшее. Не проводятся оперативные служебные расследования фактов хищений из музеев, которые позволяют выявить причины, способствовавшие инциденту, определить степень взысканий к лицам, ответственным за сохранность музейных предметов, выработать конкретные мероприятия по наведению порядка и усилению безопасности музея и хранящихся в нем ценностей.** Так, до сего времени Департаментом образования, культуры и спорта администрации Сахалинской области не представлена полная информация об обстоятельствах кражи из Корсаковского муниципального историко-краеведческого музея, произошедшей в сентябре 1999 г., в результате которой из музея похищено

1500 предметов (нумизматика, филателия, бонистика), а также учетная документация музея и акты пробирного надзора.

В большинстве музеев **отсутствует фотофиксация или полноценное описание музейных предметов, что существенно затрудняет их идентификацию.** Не всегда имеется пакет инструкций и других нормативов, регламентирующих вопросы охраны и защиты музейных предметов и коллекций, с учетом специфики конкретных объектов. Не уделяется должного внимания вопросам охраны музейных предметов при их экспонировании вне музея, условиями заключаемых договоров не оговариваются все аспекты надежной защиты экспонатов.

Учитывая изложенное, в целях исполнения Федерального закона «О Музейном фонде Российской Федерации и музеях в Российской Федерации», Положения о Музейном фонде Российской Федерации, **Министерство культуры Российской Федерации рекомендует руководителям музеев и органов управления культуры субъектов федерации:**

1. Обеспечить систематический контроль за организацией учета, хранения музейных предметов и музейных коллекций, системы безопасности музеев в строгом соответствии с действующими государственными нормативами по учету, хранению и охране музейных объектов и хранящихся в них ценностей.

2. Осуществлять контроль за ходом проверки наличия музейных коллекций в соответствии с утвержденными планами-графиками музеев.

Итоговые акты проверки наличия в обязательном порядке выносить на рассмотрение коллегий или специальных комиссий, решения которых вместе с материалами проверки представлять на утверждение Министерства культуры Российской Федерации.

Оформление итоговых документов по проверке наличия музейных коллекций должно соответствовать требованиям, указанным в методических рекомендациях Минкультуры России № 01–109/16–25 от 02.06.98 г. и № 01–50/16–25 от 09.03.99 г.

3. Обратит внимание на возможность внесения изменений в структуру и штатное расписание музеев в целях создания оптимальных условий для развития и совершенствования учетно-хранительской деятельности.

Принять меры к укреплению и расширению отделов (секторов) учета, хранительских отделов и групп, их поэтапной компьютеризации.

4. Проводить плановые и оперативные проверки состояния учета и хранения музейных фондов. Привлекать, в случае необходимости, для участия в таких проверках представителей органов МВД и архивной службы территорий.

5. Осуществлять совместно с органами вневедомственной охраны при УВД МВД России плановые обследования состояния безопасности музеев.

В случае необходимости привлекать к таким проверкам специалистов Центра по безопасности культурных ценностей Государственного научно-исследовательского института реставрации Минкультуры России.

6. Иметь в виду, что существенным моментом организации комплексных систем безопасности является обоснованный выбор технических средств и систем охраны, их оптимальное проектирование, монтаж и профессиональное эксплуатационное обслуживание.

7. Организовать и контролировать весь комплекс противопожарных мероприятий в рамках общего плана защиты музейных объектов с обозначением в нем первоочередных мероприятий по противопожарной защите.

Проводить учебные тренировки персонала по действиям в случае возгорания с участием представителей местной пожарной охраны.

Контролировать надежность и эффективность работы системы пожарной сигнализации, наличие пожарного инвентаря и соответствующих средств пожаротушения.

8. Обратить особое внимание на оснащение музейных объектов средствами молниезащиты, прежде всего памятников деревянного зодчества.

9. Проводить тщательные служебные расследования обстоятельств хищений, краж, пожаров, других утрат музейных предметов и коллекций с целью выявления их причин, установления лиц, виновных в утрате, выработки мер по усилению охраны и сохранности.

10. Обо всех случаях утрат музейных предметов и коллекций информировать Министерство культуры Российской Федерации в 3-дневный срок со дня обнаружения утраты.

11. В целях обеспечения идентификации музейных предметов проводить их плановую поэтапную фото-видеофиксацию, производить полноценное визуальное описание предметов на уровне 2-й ступени учета в инвентарных книгах.

12. Не допускать хранения и экспонирования предметов из драгоценных металлов и драгоценных камней, образцов оружия, наградных знаков в местах, не обеспеченных надлежащими средствами охраны.



18 мая 1999 г. Пос. Усть-Ордынский. Иркутская область. Россия. Первая окружная научно-практическая конференция «Традиции и обычаи народов Сибири». Конференция была посвящена 55-летию Государственного национального музея Усть-Ордынского Бурятского автономного округа.

13–16 сентября 1999 г. Иркутск. Россия. Третья международная научно-практическая конференция «Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность». Конференция была организована Иркутским государственным педагогическим университетом, Бурятским государственным университетом, Гёньильским университетом Республики Корея, Обществом востоковедов РАН, редакциями журналов «Восток» и «Проблемы Дальнего Востока».

16–18 мая 2000 г. Санкт-Петербург. Россия. Вторая российская конференция с международным участием «Традиции и обычаи народов России». Заседания конференции, кроме пленарных, велись в трех секциях: «Проблемы этнографической реконструкции традиций, обычаев и обрядов», «Проблемы сохранения и защиты этнографического наследия России», «Поиски духовного возрождения полиэтнической культуры российского общества».

11–13 сентября 2000 г. Иркутск. Россия. Международная научно-практическая конференция «Сибирско-польская история и современность: актуальные вопросы» и встреча активистов полонийного движения в восточных регионах России. Конференция и встреча проводились в связи с 10-летием образования, существования и деятельности в Иркутске Польского культурно-просветительного общества «Ogniw» («Звено»).

14–17 ноября 2000 г. Тюмень. Россия. XII региональная научно-практическая краеведческая конференция «Словцовские чтения–2000». Конференция ежегодно проводится Тюменским областным краеведческим музеем им. И.Я. Словцова. В этом году она была посвящена 70-летию Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов Тюменской области и охватывала проблемы региональной истории, музееведения, археологии, этнографии, культурологии и природы края.



Бураева О.В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII – середине XIX в. — Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. — 207 с.

В монографии рассматриваются процесс заселения юго-восточной Сибири в ходе ее присоединения к России, вопросы хозяйственного освоения региона и зарождения культурных контактов пришлого и местного населения, что позволяет проследить связи народов и их отражение в материальной и духовной культуре. Книга предназначена для этнологов, историков, культурологов, краеведов, а также тех, кто интересуется историей взаимоотношений народов Сибири.

Историческое, культурное и природное наследие (состояние, проблемы, трансляция). — Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2000. — Вып. III, ч. I. — 154 с.; Вып. III, ч. II. — 141 с.

Третий научный сборник, подготовленный преподавателями и аспирантами Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, а также сотрудниками Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН. Сборник является результатом пятилетней разработки комплексной темы исследования факультета культурного и природного достояния ВСГАКИИ «Механизмы функционирования и трансляции культурного и природного достояния». В него помимо теоретических статей вошли материалы, обобщающие опыт работы музеев и учреждений охраны памятников Восточной Сибири.

Сибирский архив: Архивные документы. Публикации. Факты. Комментарий. — Иркутск, 2000. — Вып. 2. — 132 с.

Второй выпуск научно-популярного историко-краеведческого сборника, изданного Архивным управлением администрации Иркутской области, посвящен VIII заседанию российско-монгольской комиссии по сотрудничеству в области архивов, состоявшемуся в г. Иркутске в августе 2000 г. В сборник включены публикации, подготовленные на основе неизвестных ранее архивных документов по различным аспектам взаимоотношений Монголии и России.



Хоца Намсараев*

ОХОТНИК

Свежа, светла
Заря пришла,
Седой туман
Лучом прожгла.

В глуши тайги
Слышны шаги!
Сюда идут.
Зверье, беги!

Косматый друг
Залаял вдруг —
Охотничий,
Веселый звук!

Здесь в сердце гор
Кедровый бор,
Сплетясь, разросся
Как шатер.

В сплетенье том,
Как ночь густом,
Сверкнула белка
Огоньком.

Ее нашел
Ружейный ствол,
И выстрел эхом
Грянул в дол...

Лесной тропой
В поселок свой
Идет охотник
Удалой.

Идет назад,
Добыче рад,
И в честь его
Ручьи гремят.

На склоне гор
Поет костер
О том, как глаз его
Остер.

А у огня,
Как дым синя,
Сошлась тайга,
О нем звеня.

1929

* Печатается по книге: Намсараев Хоца. Избранное. — М., 1959.

Сенокос

Летним зноем пышет
Солнце-богатырь,
Травы чуть колышет
Луговая ширь.

Люди в полной силе,
Кони горячи,
И ножи косилок
Блещут, как мечи.

Нынче сена много —
Сенокос хорош!
Ставит стог за стогом
Наша молодежь.

Кто гребет, кто мечет —
Все стога вокруг,
И плывет далече
Ароматный дух.

Вот последний в поле
Вырастает стог.
Потрудились вволю —
Подвели итог.

И летит, как песня,
Радостная весть:
— Мы на первом месте —
Нам почет и честь!

1948

Об авторе: **Хоца Намсараевич Намсараев** родился 9 мая 1889 г. в Бурятии в улусе Верхняя Кижинга. Начал литературную деятельность как улигерши, поэт и драматург. Первая одноактная пьеса, «Темнота», была написана в 1919 г. Его первый сборник сатирических новелл «Так было» (1936 г.) положил начало бурят-монгольской реалистической прозе. Х. Намсараев обработал много народных сказаний, былин, составил сборник «Бурят-монгольские пословицы» (1947 г.). Немало сделал он и для развития детской бурятской литературы. Награжден орденом Ленина. В 1959 г. вышло пятитомное собрание сочинений Х. Намсараева. Умер в 1959 г.



БУРЯТСКИЕ ЗАГАДКИ*

1. Полная ограда овец,
С ними волк степной один.
2. На полке лежит,
Но рукой не схватить.
3. Чёрная корова лижет белую,
Лизала, лизала, совсем долизала.
4. Один льёт,
Другой пьёт,
А третий растёт.
5. Подумал я, что это небо,
Но там не видно звёзд,
Подумал я, что это земля,
Однако там нет травы.
6. Поднимется, вытянется,
Наклонится, богу помолится.
7. Идут навстречу мне четверо:
Двое из них в шубах,
А двое — без шуб.
8. За берёзовой изгородью
Савраска стоит.

ОТГАДКИ НА РУССКИЕ НАРОДНЫЕ ЗАГАДКИ ИЗ № 2 (9), 2000:

1. Рукавички. 2. Замок и ключ. 3. Искра. 4. Печь. 5. Гвоздь вбивают. 6. Грудное молоко. 7. Хлеб. 8. Вёдра и коромысло. 9. Дверь: косяки, притолока, порог, полотно, пята. 10. Гвоздь в сапоге.

* Печатаются по книге: Шаракшинова Н. Бурятский фольклор. — Иркутск, 1959. — 228 с.



Michael S. 2001

